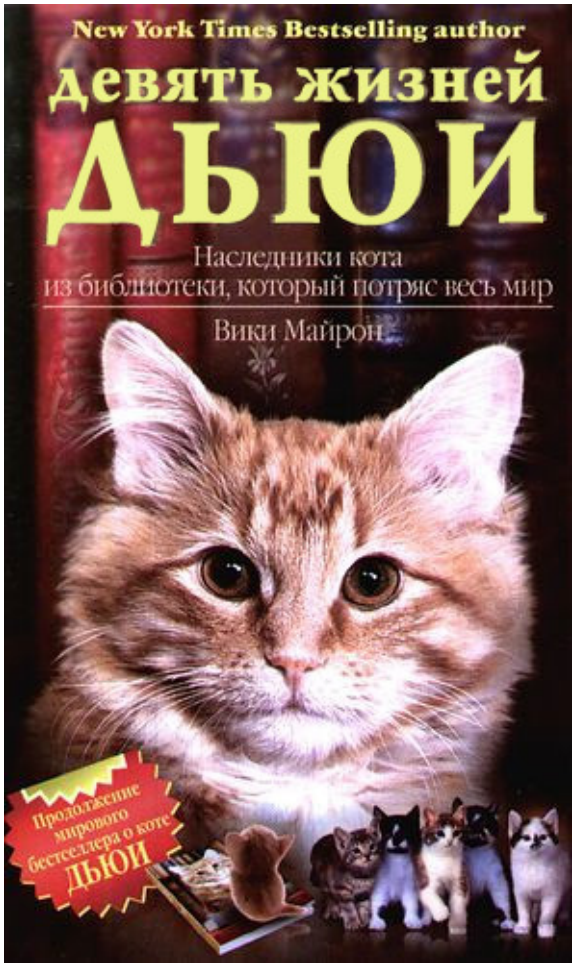

New York Times Bestselling author
девять жизней
ДЬЮИ
Наследники кота
из библиотеки, который потряс весь мир
Вики Майрон
Продолжение
мирового
бестселлера о коте
ДЬЮИ

Вики Майрон

Девять жизней Дьюи. Наследники кота из библиотеки, который потряс весь мир

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3297215
Девять жизней Дьюи. Наследники кота из библиотеки, который потряс весь мир / Пер. с англ. Л.А. Игоревского.: Центрполиграф; Москва; 2011
ISBN 978-5-227-02794-8

Аннотация

Трогательная история о рыжем коте из библиотеки городка Спенсер, описанная в книге Вики Майрон «Дьюи», вызвала миллионы восторженных отзывов. Читатели так прониклись атмосферой душевного тепла, которое дарил людям Дьюи, что вдохновили Вики Майрон написать продолжение. В новой книге – девять историй о котах, которые объединили людей, подарили им надежду и помогли справиться с жизненными трудностями, научили радоваться, любить и сострадать. Две истории посвящены всемирно известному Дьюи. Книга заставляет смеяться, плакать и удивляться, каким волшебным образом пушистые любимцы преображают нашу жизнь.

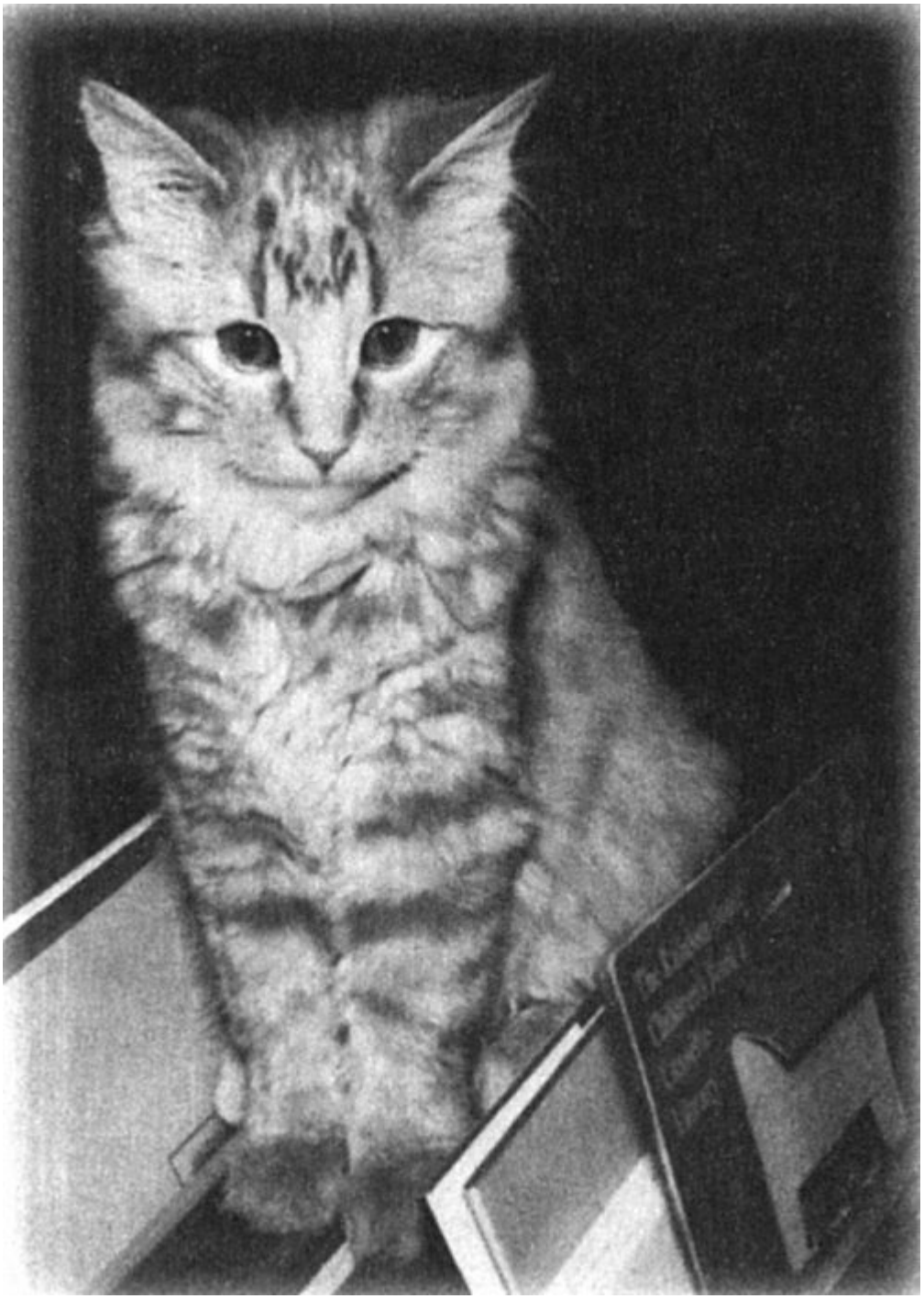
Содержание

Пролог 5
Глава 1 14
Глава 2 29
Глава 3 44
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Майрон Вики
Девять жизней Дьюи. Наследники кота из библиотеки, который потряс весь мир

Посвящаю Гленну за любовь и поддержку

Пролог
Дьюи



«Спасибо Вам, Вики, и тебе, Дьюи.
Я не верю в ангелов, но Дьюи очень к ним близок».
Кристина Б., Тампа, Флорида

Я не согласна с автором этих строк, ибо сама я верю, что у каждого человека есть свой ангел-хранитель. Я верю в «поучительные моменты» жизни, когда человеку дается возможность понять нечто очень важное – если душа у него добрая и чуткая.

Эти ангелы благоприятной возможности, как мне нравится их называть, могут явиться человеку в любом образе благодаря важным для него людям или в результате случайной встречи с незнакомцами. Я считаю, что одним из таких ангелов и был Дьюи Читатель Книг, знаменитый кот из библиотеки городка Спенсера, что находится в штате Айова. Он преподал всем столько полезных уроков, изменил к лучшему жизнь стольких людей, что я не могу считать его появление чистой случайностью. Да я и не верю в случайные совпадения.

Однако я понимаю, что хочет сказать эта молодая женщина. Она имеет в виду, что своим поведением и примером Дьюи изменил ее жизнь. И хотя она не сумела подобрать нужных слов для определения его влияния, она чувствует в нем нечто особенное.

Но я давно уже нашла, как мне кажется, очень точное определение: это магия Дьюи. Это выражение всплывает у меня в голове каждый раз, когда я вижу его способность заставить человека по-иному взглянуть на себя самого. Никто не наблюдал действия этой магии чаще меня, потому что я знала Дьюи лучше всех и больше всех соприкасалась с ним. Я – обыкновенная жительница штата Айова, много лет служившая директором библиотеки в маленьком городке, расположенном не очень далеко от фермы, где я родилась. И должна сказать, что этот кот действительно был особенным, необыкновенным котом. Он оказывал положительное влияние на жизнь людей. Он вдохновлял и поддерживал жителей нашего городка. И в итоге прославился на весь мир: его имя появлялось в заголовках газет и журналов, а посвященная его памяти книга «Дьюи», которую я удостоилась чести написать как «мама Дьюи», заняла первое место в списке бестселлеров «Нью-Йорк тайме». Магия Дьюи – вот что это было. Он был всего-навсего котом, но обладал уникальным даром пробуждать в людях самые чистые и благородные чувства. Его открытый и доброжелательный нрав вызывал в них глубокую симпатию и привязанность. История его жизни никого не оставила равнодушным. Человек, хоть однажды видевший Дьюи Читателя Книг, уже никогда его не забывал.

Все началось в январе 1988 года. В то утро было девятнадцать градусов ниже нуля, а это такой жгучий мороз, что кажется, будто он обжигает легкие и сдирает кожу с лица. Жестокий холод, зачастую в сопровождении сильного ветра, является отличительной чертой климата огромной северной равнины. Человек приучается терпеть его, но привыкнуть к нему невозможно. В такое время в Айове лучше всего оставаться дома, в тепле.

Однако, несмотря на сильный мороз, минимум один из жителей центрального района Спенсера выходил на улицу: ведь кто-то засунул маленького бездомного котенка в отверстие для возврата книг на задней стене здания Публичной библиотеки – сам он не мог туда забраться. Надеюсь, это было сделано из милосердия. Видимо, человек увидел дрожащего на снегу крошечного котенка и решил помочь ему. Но если он действительно думал спасти этим малыша от гибели на морозе, то заблуждался. Устройство для возврата книг представляет собой металлический желоб длиной в четыре фута, который ведет в закрытый металлический короб. В столь жестокий холод он, по сути, представлял собой морозильную камеру. Там не было ни одеял, ни подушек, никакой мягкой ткани, только ледяной металл. Да еще книги. И это несчастное существо провело несколько часов, а может, и целые сутки в кромешной тьме и диком холоде.

Рано утром в понедельник, придя на работу, я открыла короб для возврата книг и обнаружила в нем крошечного рыжего котенка. Когда я увидела его глазки, полные тоски и отчаяния, сердце мое стукнуло и замерло. Он был таким милым и… бесконечно несчастным. Я прижала его к груди и отогревала, пока он не перестал дрожать, затем наполнила библиотечный умывальник теплой водой и выкупала малыша, а затем высушила феном. Вот тогда Дьюи и завладел нашими сердцами: трогательно ковыляя на слегка обмороженных лапках, он обошел всех работников библиотеки, столпившихся вокруг него, и ласково потерся мордочкой об их ноги.

Я сразу решила оставить его при библиотеке. И не только потому, что полюбила Дьюи с первой минуты. Выражение его глаз и желание поблагодарить каждого за свое спасение внушили мне уверенность, что этот малыш способен смягчить официальную атмосферу Публичной библиотеки Спенсера. Он был таким симпатичным и трогательным, таким ласковым и дружелюбным, что, глядя на него, все невольно расцветали радостными улыбками.

А в то время именно радости нам, жителям Спенсера, Айова, больше всего и не хватало. Город переживал тяжелый сельскохозяйственный кризис. 70 процентов городских магазинов стояли с пустыми витринами, в округе одно за другим разорялись фермерские хозяйства. Мы отчаянно нуждались в какой-нибудь доброй истории, в позитивной теме для разговоров, в примере стойкости, любви и надежды. И если кто-то сунул котенка в темный и ледяной металлический короб, а этот котенок сумел выйти из такого тяжкого испытания, не утратив доверчивости и отзывчивости, значит, и мы сможем преодолеть выпавшие на нашу долю тяготы.

Но Дьюи не был неодушевленным талисманом нашего учреждения. Он был другом и товарищем, приветливо встречающим каждого посетителя у порога библиотеки. Своей доверчивой любовью он мгновенно согревал сердца людей, и самой главным его достоинством была способность инстинктивно угадывать, кто именно в данный момент больше всего нуждается в его внимании.

Я помню пенсионеров, приходивших к нам каждый день. После появления Дьюи многие стали задерживаться в библиотеке подольше и общаться со служащими.

Я помню Кристел, учащуюся средней школы, лишенную способности самостоятельно передвигаться, которая сидела в своем кресле, устремив безучастный взгляд на пол, и все время молчала. Но вот ее обнаружил Дьюи, и стоило ей теперь появиться в дверях библиотеки, как он вспрыгивал к ней в кресло на колесиках. Только тогда Кристел стала поглядывать вокруг. С тех пор каждую неделю она вкатывала свою коляску в холл и сразу издавала высокие радостные крики, призывая Дьюи, и, когда он выбегал ей навстречу и забирался к ней в кресло, она вся сияла от счастья.

Помню нашу новую помощницу детского отдела библиотеки, которой недавно пришлось переехать в Спенсер, чтобы ухаживать за больной матерью. Они с Дьюи часто и подолгу сидели рядышком. Однажды я заметила у нее слезы на глазах и поняла, как трудно и одиноко ей в чужом городе и что ее единственный друг – это Дьюи.

Помню чрезвычайно застенчивую женщину, которая очень трудно сходилась с людьми. Помню молодого человека, отчаявшегося найти работу. Помню одного бездомного, который, войдя в библиотеку, никогда ни с кем не заговаривал, а сразу шел искать Дьюи, сажал его себе на плечо (разумеется, на левое; почему-то Дьюи всегда усаживался только на левое плечо) и расхаживал с ним минут пятнадцать – двадцать. Мужчина что-то нашептывал ему, а Дьюи слушал, я в этом совершенно убеждена. И наш Дьюи всем им помогал своим вниманием и самим присутствием.

Но больше всего мне запомнились особые отношения Дьюи с детьми. Он обожал совсем маленьких детей, подходил к их коляскам и отирался рядом с самым довольным выражением мордочки, даже если они дергали его за уши. Он позволял только что начавшим ходить малышам тискать себя, тыкать в себя пальчиком и не пугался их восторженного визга. Он подружился с мальчиком-аллергиком, который очень горевал, что ему нельзя завести котенка. Он играл со школьниками младшего возраста, которые после школы проводили время в библиотеке, пока их родители были на работе, таскал у них карандаши и прятался в рукавах их курток. В «час сказки», которые мы еженедельно устраивали для детей, он обходил, касаясь своим пышным хвостом, каждого ребенка, затем выбирал одного из них, вспрыгивал ему на колени и сворачивался на них клубком – и должна заметить, каждую неделю это был другой ребенок. Да, конечно, Дьюи были свойственны типично кошачьи

повадки. Он помногу спал. Не любил, когда его гладили по животику. Любил грызть резиновые колечки, которыми мы стягивали пачки абонементских карточек. Нападал на клавиши пишущих машинок (в то время у нас еще стояли пишущие машинки) и на клавиатуру компьютера. Обожал лежать на копировальном аппарате, потому что оттуда поступал теплый воздух. Забирался на светильники, висящие под потолком. Стоило открыть какую-нибудь коробку или ящик, и откуда ни возьмись появлялся Дьюи и запрыгивал внутрь. Короче, он делал то, что вообще свойственно кошкам, но у него это получалось гораздо эффективнее. Своим ласковым участием и любовью он помогал жителям Спенсера почувствовать красоту нашего замечательного города и великих равнин Айовы и проникнуться доброжелательным сочувствием друг к другу.

Вот в этом и заключалась магия Дьюи: в его поразительной способности распространять свою жизнерадостность и дружелюбие на каждого, кто переступал порог библиотеки, смягчая его отношение к невзгодам.

Каким образом он стал знаменитым? Исключительно благодаря его харизме. Я, конечно, старалась, чтобы его узнали в Спенсере, и вместе с ним стремилась изменить атмосферу библиотеки, сделать ее местом общения людей, а не просто хранилищем книг. И была поражена, узнав, что его полюбили даже люди, жившие за пределами северо-западной Айовы. Сначала изредка, а затем все чаще к нам стали наведываться люди, заинтересованные рассказами о каком-то необыкновенном коте. Первыми появились журналисты – из Де Мойна, Бостона, а также английские и японские. Затем стали приезжать посетители. Пожилая супружеская пара из Нью-Йорка, совершавшая поездку по стране на автомобиле. Познакомившись с Дьюи, они потом все годы его жизни присылали деньги на его день рождения и на Рождество. Молодожены из Род-Айленда, проводившие медовый месяц в Миннеаполисе, – оттуда до Спенсера четыре часа езды! Маленькая больная девочка из Техаса, уговорившая родителей преподнести ей в подарок поездку к Дьюи. Люди приезжали специально для того, чтобы увидеть Дьюи, проводили с ним какое-то время и уезжали, навсегда проникнувшись к нему любовью. Дома они рассказывали о нем друзьям, и те, в свою очередь, приезжали к нему в гости и, очарованные им, покидали наш городок, после чего нам вдруг звонили из какой-нибудь газеты в Лос-Анджелесе или репортер из Австралии.

Поэтому, когда Дьюи мирно почил после девятнадцати лет преданной службы общине Спенсера и его Публичной библиотеке, меня не слишком удивило, что посвященный ему некролог, появившийся в газете Су-Сити, был помещен как минимум в 275 новостных изданиях. И что в библиотеку хлынул поток сочувственных писем со всех концов света. И что сотни его почитателей расписались в книге соболезнований и присутствовали на импровизированных поминках. В течение двух месяцев со дня его кончины нас осаждали толпы репортеров и почитателей с просьбами рассказать о Дьюи. Но постепенно шумиха улеглась, и Спенсер вернулся к своей обычной, тихой и размеренной жизни маленького городка. И те из нас, кто глубоко и искренне любили Дьюи, смогли, наконец, предаться личной скорби. Знаменитый Дьюи ушел из жизни, но память о нашем друге Дьюи навсегда осталась в наших сердцах. В декабре, ранним морозным утром, я захоронила прах Дьюи в палисаднике перед окном детского отдела нашей библиотеки, на подоконнике которого он так любил сидеть, и со мной была только помощник директора. И думаю, Дьюи одобрил бы такие тихие и скромные похороны.

По тому, какое влияние оказал Дьюи на меня и сотрудников нашей библиотеки, я знала, что он не мог уйти бесследно, что он должен был оставить нам в наследство нечто важное и драгоценное. Ведь это он облегчил состояние больной девочки Кристел, он своим терпеливым сочувствием поддерживал дух бездомного посетителя, он проявлял чуткую заботу к детишкам во время «часа сказки», многие из которых со временем стали приводить познакомиться с ним своих мам и пап. Я знала силу его воздействия на людей, потому что они про-

должали доверять мне свои истории, связанные с Дьюи. Он заставил измениться не только наш Спенсер. Но я думала, что хранителями его наследия будем именно мы, сотрудники библиотеки, кто близко знал и любил его.

Я была уверена в этом.

А затем произошло нечто удивительное. Я написала книгу о Дьюи, желая почтить память моего друга и выразить ему благодарность за верное служение Спенсеру и за благотворное влияние на мою жизнь. Разумеется, я знала про его многочисленных поклонников и думала, что им будет интересно узнать о его жизни в нашей библиотеке. Но такой бурной реакции я никак не ожидала. Огромное количество людей, прочитавших книгу, полюбили не просто Дьюи или книгу – они полюбили их обоих. Они были глубоко тронуты его историей, которая в чем-то изменила их отношение к жизни. Помню рассказ одной женщины о своей маме, который то и дело прерывался рыданиями. Ее мать была жительницей Спенсера, преподавала игру на фортепиано и служила в церкви органистом. По субботам она приводила свою маленькую дочку в библиотеку повидаться с Дьюи. Затем мама заболела болезнью Альцгеймера и постепенно забыла своего мужа и детей, и даже самое себя. Дочь каждую неделю садилась в машину и два часа ехала из Су-Сити в Спенсер к матери и привозила с собой свою кошку. Кошка была черной с белыми пятнами, совершенно не похожей на ярко-рыжего Дьюи, но ее мать улыбалась и говорила: «О, да это Дьюи! Спасибо, что ты привезла мне Дьюи». Последние слова дочь едва смогла выговорить сквозь слезы.

– После той нашей встречи с вами, – сказала она мне позднее, – я вышла к парковке и долго плакала, сидя в машине. Никак не могла остановиться. Мама умерла уже двенадцать лет назад, но в тот раз я впервые плакала о ней. Мысль о Дьюи, о том, как сильно любила его мама, помогла мне, наконец, выплакать всю горечь тяжелой утраты.

Удивительно, не правда ли? Я не знала эту женщину, Марго Чезеброу, не знала ее мать, Грейс Барлоу-Чезеброу, хотя, судя по описанию, которое дала ей дочь: умная, сильная, независимая женщина, верившая в магию животных, – думаю, она мне понравилась бы. Но они знали и любили нашего Дьюи. Он занимал в их жизни настолько важное место, что Грейс каким-то образом удержала память о нем в своем поврежденном болезнью мозгу, хотя совершенно забыла имена своих детей и была убеждена, что ее муж – это ее брат, уже давно умерший. И тогда я поняла, что мне никогда не узнать точного количества людей, испытавших на себе действенное обаяние Дьюи.

А ведь были еще люди, никогда не видевшие и не знавшие Дьюи, которых его история растрогала до такой степени, что у них появилось настоятельное желание написать мне. Это началось почти сразу после опубликования книги. «Я никогда не писала авторам книг, но меня так тронула история Дьюи…» Или: «Дьюи был ангелом, спасибо, что вы подарили его миру».

Проходили месяц за месяцем, книга заняла верхнее место в списке национальных бестселлеров, и писем стало поступать еще больше, уже по дюжине в день. Через год у меня было уже больше трех тысяч писем – посланий по электронной почте и в почтовых конвертах – и почти все от людей, которые узнали о Дьюи из книги. Мне прислали в дар подушку, на которой крестиком был вышит портрет Дьюи с обложки книги. Бывший житель Спенсера, который давно переехал в другое место, но никогда не забывал родной город, заказал для библиотеки статуэтку Дьюи. (Я поняла, что магия Дьюи продолжает действовать, когда узнала, где расположена студия скульптора – город Дьюи, Аризона). Невозможно сосчитать, сколько рисунков, вышивок и вырезанных из дерева фигурок Дьюи прислали мне его поклонники. Дома я выделила для них целый шкаф, и он уже переполнен.

Один человек прислал двадцать долларов, чтобы я купила розы для Дьюи. Другой – пять долларов с просьбой засеять его могилку кошачьей мятой. Женщина из колл-центра в Айдахо рассказала, что, когда ей звонят из Айовы, она спрашивает о Дьюи, надеясь, что кто-

то из звонивших знал его. Еще один человек прислал мне фото кружки с портретом Дьюи, в которую он бросает мелочь, сдачу после покупок. Накопленные деньги он жертвует на спасение животных.

Я читала все без исключения открытки, письма и электронные послания. Я хотела бы ответить каждому, но с таким потоком справиться невозможно, тем более что с тех пор я часто нахожусь в разъездах, встречаясь с поклонниками Дьюи. (Но заверяю вас, дорогие авторы писем, что я посеяла кошачью мяту на его могилке и возложила на нее розы, приобретенные на присланные деньги.) Чувства, выраженные в этих письмах, и то, что Дьюи продолжает положительно влиять на людей, тронули меня больше, чем это можно представить.

Один молодой человек, тяжело переживший развод с женой и крушение служебной карьеры, признался в своем письме, что жизнь Дьюи «открыла мне сердце».

Женщина, страдающая рассеянным склерозом, рассказала, что, прочитав книгу про Дьюи, спустилась на пол и поцеловала в мордочку собаку, жившую в ее групповом доме[1]. Потом она смогла улечься в постель только с посторонней помощью, но она была рада, что сделала это, потому что спустя неделю старый пес скончался.

У одного человека из Англии несколько лет назад умерла жена, оставив двух кошек, которых он возненавидел после ее кончины. И, только прочитав «Дьюи», он понял, что они помогли ему пережить тяжелую утрату. Без вынужденной заботы об этих кошках, писал он, скорее всего, до сих пор пребывал бы в «черной депрессии».

Очень характерным было письмо одной молодой женщины из Флориды. Незадолго до того, как она прочла «Дьюи», она порвала двухлетние невыносимые отношения с безнадежным алкоголиком, который лишил ее самоуважения и оставил в долгах, без права выкупа закладной. «Я чувствовала себя глупой, – писала она, – и главное, полной неудачницей. А потом прочла вашу книгу. И теперь с радостью сообщаю, – продолжала она, – что в понедельник снова вернусь в школу. Я решила заново построить свою жизнь. Это произошло не из-за вашей книги, просто она придала мне силу и решимость. А главное, она напомнила мне, что жизнь еще не кончена. Вот поэтому я благодарю Вас, Вики, и Дьюи… Я не верю в существование ангелов, но Дьюи очень к ним близок. Даже умерший, он продолжает благодаря вам изменять жизнь людей, как мою. Вам воистину повезло, что рядом с вами было такое необыкновенное существо, но вы это знаете и без меня. И я тоже считаю огромной удачей, что в моей жизни оказался Дьюи, хотя я никогда его не видела».

Разве можно было остаться равнодушной после такого письма? Так глубоко тронуть человека, помочь ему увидеть свет надежды – это дар, который я всегда буду ценить и лелеять. И этот дар передал мне Дьюи.

После публикации книги ко мне снова потянулись старые друзья и родственники, связь с которыми давно была утеряна. Я познакомилась и с новыми людьми, такими как соавтор, редакторы и литературный агент, ставшими моими верными друзьями. (Иллюстратором книжки про Дьюи для детей оказался художник по имени Стивен Джеймс – полный тезка моего любимого брата, умершего от рака в двадцать два года. Это снова магия Дьюи!) Я даже получила письмо от своего бывшего мужа. Он был красивым умным человеком, но вместе с тем тяжелым алкоголиком, причинившим мне – да и себе самому – множество бед и страданий. Хотя у нас с ним есть дочь, я ничего не знала о нем целых одиннадцать лет, пока он, прочитав книгу, не написал мне. Вот уже целых десять лет он ведет трезвый образ жизни, женился на своей первой школьной возлюбленной, и они счастливо живут в Аризоне. Он прислал мне фотографии, на которых выглядит просто замечательно. Впрочем, он всегда был красавцем. Он и его жена радостно улыбаются на фото. Он прислал мне футболку с надписью «Будь осторожна, а то я помещу тебя в свой рассказ!» – это одна из его шуток.

[1] Групповой дом – дом для совместного проживания тяжело больных стариков или «трудных подростков».

За книгу он не обиделся, ведь все так и было. «Прости», – только и написал он, закончив письмо фразой: «Я тобой горжусь». И я тоже горжусь им.

Я получала письма от моих коллег-библиотекарей, от детей, выросших, как и я, на ферме, от земляков из Айовы, от других матерей-одиночек, от людей, чьи любимые тоже когда-то покончили жизнь самоубийством (как мой родной брат), и от моих сестер по несчастью, так же как я, переживших рак молочной железы. Мне писали женщины, которым, как и мне в 1970-х годах, произвели операцию по удалению матки без медицинской необходимости. В их числе оказалась женщина из Форт-Доджа, Айова, операцию которой делал тот же хирург и приблизительно в то же время, что и мне. «Эта операция едва меня не убила, – сказала она мне, когда я надписывала свою книгу. – Я целую неделю находилась в коме. Как и вам, она навсегда подорвала мое здоровье». Мы обнялись, и она заплакала. Я поняла, что порой приятно сознавать, что ты не одинока.

Община – вот как мы называем это чувство локтя. *Община.* Я очень верю в силу общины, и не важно, кого она объединяет: жителей города, приверженцев одной и той же религии или любителей кошек. Я считаю, что «Дьюи» повествует о простых и скромных жителях маленького городка, о том, что и в обыденной жизни существуют возможности для свершения добрых и общеполезных дел. И это – одна из причин ее воздействия на такое множество людей. Люди прониклись уважением к Спенсеру и его обитателям. Они полюбили наши кукурузные поля и своеобразную архитектуру города и оценили простую, тяжелую, не очень престижную работу на полях, нашу приверженность своим взглядам и любовь. (Доктор Коулграф, который дважды помогал мне во время удаления молочной железы, рассказал, как после двадцати лет уговоров ему удалось переманить из Калифорнии хирурга высокой квалификации. После моей книги у нее появилось желание поселиться в таком маленьком городке, как Спенсер.) Моральные принципы, выраженные в книге – «Найди свое место в жизни. Довольствуйся тем, что имеешь. Относись ко всем с добротой. Живи честно и порядочно. Думай не о материальных благах, а о любви. И тогда тебе не нужно будет ждать любви, она всегда будет с тобой», – преодолевают все границы. Я говорю и о границах между государствами. История Дьюи стала бестселлером в Англии, Португалии, Китае и Корее. Я получила приглашение из Турции. Один человек долго добирался из Милана только для того, чтобы увидеть город, где жил Дьюи. Люди со всего мира пишут о своем намерении посетить знаменитый Спенсер, Айова, и, что самое главное, они хранят эту книгу и передают ее молодому поколению как семейное наследие, потому что им хочется поделиться со своими детьми силой любви, какой дышат страницы этой книги.

Другими словами, они хотят, чтобы их дети тоже почувствовали на себе магию Дьюи Читателя Книг, особенного кота, которому каким-то чудесным образом удалось из стен маленькой библиотеки в Айове распространить свое обаяние на весь мир. И как я сказала в самом начале, все это происходит благодаря Дьюи. Без него не было бы и книги. Как написала одна женщина из Флориды, каждый читатель книги испытал на себе магию Дьюи, хотя сами никогда его не видели.

Значит, Дьюи живет! И хотя он умер, он живет в памяти людей как образец добра и справедливости. И, читая многочисленные письма, я поняла самое главное – он живет во всех других животных, которые, подобно ему, относятся к своему хозяину с преданной любовью и участием. Больше всего меня радует то, что 30 процентов этих писем пришли от мужчин, включая двух шерифов, обожающих кошек, и все они начинаются словами: «Уверен, вы никогда не получали таких писем от мужчин…» Не смущайтесь! Настоящие мужчины тоже любят кошек. И еще одно, очень важное признание во множестве писем: «Дьюи глубоко тронул меня, потому что напомнил моего собственного любимца».

Постепенно я осознала: Дьюи открыл, что люди по всему миру очень любят своих домашних животных. И что книга «Дьюи» подарила этим людям возможность рассказать

об этой любви, они поняли, что нет ничего постыдного в том, чтобы сказать совершенно незнакомому человеку, хотя бы мне одной: «Я люблю своих кошек. Они для меня очень важны, они – мои друзья. Они изменили мою жизнь. И когда их не стало, я отчаянно по ним тосковал». Как написал один молодой человек, рассказав о своем ужасном состоянии после мучительного развода, когда две его кошки были для него единственным светлым пятном:

«Сначала я поражался: Господи, как я могу так сильно любить каких-то животных! Наверное, со мной не все в порядке. Я стеснялся самому себе признаться, что эти кошки так много для меня значат. Но потом я прочитал Вашу книгу и понял, что в такой сильной любви к животному нет ничего плохого и неестественного. Ваша книга оправдала мою бесконечную любовь к двум моим кошкам, позволила мне и дальше без оглядки извлекать радость из нашей взаимной привязанности, которая с годами становится все крепче.

Спасибо Вам».

Издавна люди реагируют на сообщение о глубокой привязанности человека к кошке восклицанием: «Это ужасно!» Но я горячо любила своего кота. И я не была единственной. Ничего подобного! Я думаю, что именно великодушие и любовь маленького сердечка Дьюи, его природное обаяние и приветливость и сделали его символом благотворной жизненной связи, какую ощущают со своими любимыми животными миллионы людей.

В «Девяти жизнях Дьюи» вы найдете девять рассказов о необыкновенных кошках и о людях, которые их любили. Три главы тем или иным образом касаются Спенсера, Айова, и тех подробностей жизни Дьюи, что не попали в первую книгу, – тогда я еще о них не знала. Другие шесть рассказов повествуют о людях, написавших мне после выхода книги о Дьюи. Эти люди хотели выразить свое восхищение Дьюи и поведать о любви к собственным животным, ничего не ожидая взамен.

Являются ли их истории самыми интересными из полученных мною трех тысяч? Не могу сказать. Чаще всего мое внимание привлекали две-три фразы:

«Мы забирали домой бездомных кошек, которые подвергались жестокому обращению, и выхаживали их…», «Он пережил нападение койота, удар лапой от медведя и прошел целых тридцать миль, чтобы вернуться ко мне после того, как одна мстительная женщина, желая мне насолить, увезла его в другое место…», «Никто и никогда не любил меня больше – даже мои родители и дочери, – чем мой Куки…».

Порой, когда мой соавтор и я звонили по указанным в письмах телефонам, нам приходилось услышать совершенно неожиданную историю об отношениях между людьми и кошками. Среди них были истории интересные и не очень, но в них рассказывалось о реальных людях и их животных. После «Дьюи» люди советовали мне написать о кошке, обнаруженной в диване, который был подарен группе «Гудвилл». О сгоревшей кошке, про которую рассказывали в местных новостях. Об одноглазой кошке с отрубленным ухом, которая всю жизнь прожила в пивном баре в Чикаго. Но я думала: «Зачем? Какая здесь связь с Дьюи? Истории интересные, но где тут любовь?» Уж если рассказывать какие-то другие истории, то они должны иметь ту же подоплеку, что в истории Дьюи: особые отношения и связи между кошкой и человеком. Я хотела писать о людях, чью жизнь изменила их любовь к кошке.

Люди в этой книге не считают себя героями. Они не совершили ничего такого, чтобы о них написали в утренних газетах или пригласили в программу «Сегодня». Это обыкновенные люди, которые ведут ничем не примечательный образ жизни и имеют дома обыкновенных животных. Не могу утверждать, что их истории самые занимательные или поучительные, но одно могу сказать определенно: мне нравится каждый человек, о котором я рассказываю в этой книге. Вместе со своими кошками все эти люди олицетворяют качества, которые воплощал в себе Дьюи: доброту, стойкость, трудолюбие и способность, какими

бы ни были обстоятельства, оставаться верными себе и своим нравственным принципам. Поскольку живой отклик на историю Дьюи объяснялся сочувствием людей этим принципам или некоторым из них, то мне хотелось бы, чтобы и в характере рассказчиков своих историй о кошках тоже были подобные черты. И я думаю, что так оно и есть. Я горжусь тем, что познакомилась с ними.

Вряд ли вы одобрите все поступки героев моей книги. Говорю так, потому что и сама не все их одобряю. В частности, как бы я ни старалась, я просто не могу смириться с тем, что Мэри Нэн Эванс слишком поздно стерилизовала своих кошек. Другие хозяева позволяют своим кошкам выходить на улицу, хотя известно, что это подвергает животных, привыкших к домашней жизни, огромной опасности. Некоторых кошек слишком холят, нежат и укутывают, или очеловечивают. Я знаю, что это вызовет возражения. Ведь получала же я после моей первой книги возмущенные выговоры за то, что в последние годы жизни кормила Дьюи сэндвичами с ветчиной. Я любила кота всей душой, давала ему все, что было в моих силах; он прожил девятнадцать замечательных лет – девятнадцать! – и все равно люди упрекают меня, называют убийцей из-за того, что в конце его жизни, желая избавить его от страданий, от которых у меня сердце разрывалось, я позволила его усыпить.

Если что-то вызовет у вас суровое осуждение, не спешите его высказать, поразмыслите. Все герои этой книги глубоко и преданно любили своих животных. И каждый действовал ради блага своего животного, как он себе его представлял. И если они приняли решение, с которым вы не можете согласиться, то это не потому, что они плохие. Просто они другие, не такие, как вы. Я не изменила ни одной истории, ничего не приукрасила. Эта книга не «Кот Шептун» и не руководство об уходе за котятами. Это несколько историй о том, как живут реальные кошки и реальные люди.

И эта книжка вовсе не продолжение «Дьюи», я и не думала о каком-то продолжении. Существует только один «Дьюи» (книга), как есть только один Дьюи (мой любимый кот). Но историй о кошках – тысячи. На свете множество кошек, которые способны изменить человека, если им представится такая возможность. Они живут у людей, описанных в этой книге, и у миллионов других. Или ведут жизнь в очень тяжелых условиях: в приютах для бездомных животных, в кошачьих колониях, где царят жестокие нравы, или в одиночку пытаются выжить на страшном холоде, в надежде на помощь со стороны людей.

Из всего, что мне пришлось усвоить поучительного за последние двадцать лет, самое главное, пожалуй, следующее. Ангелы нисходят к людям в самом разном обличье. Любовь может появиться нежданно-негаданно и откуда угодно. Одно конкретное животное способно изменить вашу жизнь к лучшему. И не только вашу жизнь, но и жизнь целого города и, пусть немного, даже всего света.

И вам это тоже по силам.

Глава 1
Дьюи и Тоби

«Она была тихой спокойной кошкой и… никогда ни с кем не ссорилась, она просто хотела жить и давала возможность другим жить как им хочется – если вы понимаете, что я хочу сказать».

Большинство людей сочтут мой любимый Спенсер, Айова, с населением около десяти тысяч, очень маленьким городком. В плане он представляет собой четырехугольник, одна сторона которого – с севера на юг – тянется на двадцать девять кварталов, разделенных рекой, а другая – с запада на восток – на двадцать пять кварталов. Улицы пересекаются под прямыми углами и в основном названы порядковыми номерами, так что ориентироваться в городе очень легко. Большая часть магазинов находятся на Гранд-авеню, нашей главной улице. В самом центре города, недалеко от пересечения Гранд-авеню и Третьей улицы, стоит скромное и уютное одноэтажное здание библиотеки.

Но размер – показатель относительный, особенно в таком штате, как Айова, население которого составляет всего одну шестую от населения Флориды, хотя здесь в два раза больше населенных пунктов. Многие жители Спенсера приехали сюда из еще более мелких городков, вроде Монеты, который я считаю родным городом, хотя выросла на ферме в двух милях от него. В Монете всего шесть кварталов и пять коммерческих заведений, включая бар и танцевальный зал. В нем насчитывалось чуть больше двухсот жителей. Это меньше, чем ежедневное количество посетителей Публичной библиотеки Спенсера.

Так что для фермерского края Айовы Спенсер – город вполне солидный и значимый. Люди специально едут сюда по разным делам, а не просто проезжают мимо по дороге куда-

то. В таком городе ты знаешь почти всех его жителей в лицо, хотя можешь и не знать их по имени. Если кто-то закрывает свой бизнес, об этом моментально становится известно всем и каждому, и каждый имеет на этот счет свое мнение, хотя не имеет никакого отношения к конкретному бизнесу. Мы можем не помнить владельца какой-то конкретной фермы в округе Клейн, к которому относится Спенсер, но мы знаем других, таких же, как он, простых и трудолюбивых фермеров, поэтому беспокоимся о них и хорошо понимаем их жизнь и проблемы. И не имеет значения, происходим ли мы из старинного рода фермеров, так называемых «синих воротничков», или являемся потомками сравнительно недавних испанских иммигрантов, которые во множестве трудятся в экономике сельскохозяйственного производства, – нас объединяет не только четко очерченный участок земли под названием Спенсер, Айова. У нас одинаковые жизненные позиции, отношение к работе, взгляды на мир и на будущее.

Но далеко не все из нас знакомы друг с другом. Как директор Публичной библиотеки, я это давно уже поняла. Проходя по залам библиотеки, я, конечно, узнавала в лицо постоянных посетителей, многих знала по именам. С большинством из них я училась в школе, поэтому знала их семьи. Помню, лет десять назад один наш постоянный читатель не появлялся в течение нескольких месяцев. Я знала его еще по школе, знала его прошлое. Он долго принимал наркотики, потом отказался от них, но, видимо, снова к ним вернулся, и это меня очень встревожило. Поэтому я позвонила его брату, своему давнему другу, и он приехал в город, чтобы позаботиться о нашем посетителе. Давние, глубокие связи – вот в чем состоит преимущество небольших городков вроде Спенсера. Зачастую достаточно позвонить по телефону – и помощь и дружеское участие вам обеспечены.

Но библиотека притягивает к себе посетителей из девяти округов – когда я уходила на пенсию, у нас было восемнадцать тысяч постоянных абонентов, что почти вдвое превышало численность населения Спенсера. Понятно, что я не могла знать каждого из них. Одной из наших постоянных читательниц, которую я знала только в лицо, была Ивонна Бэрри. Она моложе меня на пятнадцать лет, поэтому мы посещали школу в разное время. Она жила не в нашем округе, поэтому я не была знакома с ее семьей. Сотрудники библиотеки следили, каждый ли день приходит тот бездомный мужчина, который беседовал с Дьюи по душам, потому что беспокоились за него. Но Ивонна всегда была хорошо одета и ухожена, так что, казалось, за нее можно было не волноваться. К тому же она была крайне замкнутой и молчаливой, никогда ни с кем не заговаривала. Если ты поздороваешься с ней: «Доброе утро, Ивонна», то в ответ едва расслышишь. Она любила просматривать журналы и обязательно брала какую-нибудь новую книгу. Кроме этого, я знала о ней только одно: она любила Дьюи. Это было видно по улыбке, освещавшей ее лицо при появлении Дьюи.

Каждый считал, что у него с Дьюи особенные отношения. Уж и не знаю, сколько раз мне под строгим секретом шепотом сообщали: «Только никому не говорите, а то они начнут ревновать, но между мною и Дьюи совершенно особые отношения». Я с улыбкой кивала, зная, что вскоре меня ожидает точно такое же тайное признание. Дьюи так щедро одаривал людей своим расположением и вниманием, что буквально все чувствовали себя связанным с ним дружескими узами. Для каждого из них Дьюи был единственным в своем роде. Но для самого Дьюи данный посетитель был одним из трехсот… из пятисот… из тысячи друзей, регулярно посещающих нашу библиотеку. Думаю, вряд ли он сильно любил каждого из них.

Таким образом, я считала Ивонну просто одной из компаньонок Дьюи. И хотя они порой подолгу сиживали рядом, я не помню, чтобы Дьюи ждал ее, бежал ей настречу. Но почему-то они непременно оказывались вместе и бродили по залам, оба невероятно довольные друг другом.

Ивонна стала общаться с нами только после смерти Дьюи, и то понемногу. На протяжении девятнадцати лет мне постоянно приходилось разговаривать с посетителями о Дьюи.

После его смерти, казалось, мы все только о нем и говорили. Наконец, улеглась шумиха по поводу его кончины, наступил февраль, ударили крепкие морозы, и мы все окончательно поняли, что Дьюи с нами нет… И однажды Ивонна вдруг робко подошла ко мне и, сильно волнуясь, заговорила о

Дьюи: о том, как она нетерпеливо ждала каждой встречи с ним, как тонко он ее понимал, каким он был ласковым и храбрым. Несколько раз она вспоминала тот день, когда Дьюи целый час проспал у нее на коленях, и какие особенные чувства это вызвало в ней.

– Очень приятно было слышать, – сказала я. – Спасибо вам.

Я с уважением отнеслась к ее рассказу, понимая, какого труда ей стоило завести этот разговор. Но я была очень занята и не стала ее расспрашивать более подробно. Да и зачем? Ведь Дьюи спал на коленях у многих, а то, что он был котом уникальным, особенным, все давно знают.

После нескольких коротких бесед Ивонна снова замолчала и в очередные посещения держалась совершенно незаметно. Но спустя два года, когда Ивонна сказала, как она обрадовалась, что ее имя было упомянуто в «Дьюи», я решила поговорить с ней и села рядом. К тому времени у меня набралось множество приятных, но простеньких историй о Дьюи – большинство их сводились к типичной фразе: «Не могу объяснить, но он сделал меня счастливой», и я надеялась услышать что-либо более интересное.

Но рассказ Ивонны оказался особенным. В ее общении с Дьюи присутствовало нечто неуловимое, напомнившее, почему мне всегда нравились библиотеки, небольшие уютные города и кошки. Должна сказать, что Ивонна настолько сдержанно говорила о себе, что я почти ничего нового о ней не узнала. То есть тогда я этого не осознавала, но, прочитав записанную с ее слов историю, я поняла: в ней есть какая-то загадка, которую я никогда не смогу отгадать.

Но зато я узнала, какой разной может быть жизнь людей, даже если они живут в одном с тобой городе. И как легко почувствовать себя потерянной даже в таком четко распланированном городе, как Спенсер.

Я узнала, как трудно понять человека и что это вовсе не обязательно. Мы можем его не понимать, но не имеем права относиться к нему пренебрежительно и безразлично.

И этому тоже я научилась у Дьюи. В этом и состояла его магия. Так что в конечном счете это еще одна история о Дьюи.

Ивонна выросла в Сатерленде, Айова, в тридцати милях на северо-запад от Спенсера, где насчитывалось всего восемьсот жителей. Ее отец, по профессии лудильщик, обрабатывал маленькую арендованную ферму недалеко от окружного шоссе М-12 и занимал различные незначительные должности в управлении округа. Кроме того, у него был собственный грузовой автомобиль с цистерной, которую он наполнял водой из колодца на своем участке и доставлял ее в местные кафе и тому подобные заведения. Я знавала таких рабочих людей: молчаливых, немного неуклюжих и незаметных, но всегда занятых работой; эти незлобивые трудолюбивые парни в одиночку переносят все трудности, не надеясь на помощь со стороны. В конце концов, когда его уволили со службы, семья оставила ферму и переехала в городской дом. Отец устроился работать на местную фабрику. А пятилетнюю Ивонну, младшую из пяти детей, занимали кошки, постоянно рыскающие вокруг дома.

Я помню свое детство в деревне: долгие, медленно сменяющие друг друга времена года, игры с братьями, пока родители трудились на ферме и в поле. Я до сих пор помню, словно это было вчера, тот день, когда папа принес домой Снежинку, мое самое первое и любимое домашнее животное. Это было в начале лета, стояла страшная жара, и я видела, как отец появился из зарослей кукурузы, которая была ему по колено, и направился к дому.

Из-под его соломенной шляпы на лицо стекал обильный пот, казалось, оно залито слезами. Идя следом за ним в дом, я увидела, что он держит что-то в руках.

– Видно, он родился в поле, – сказал он моей матери, – потому что там их пряталось штук пять-шесть. Мать и других малышей насмерть зарезало плугом, а у этого, – он поднял на ладони крохотного окровавленного котенка, – отрезаны обе задние лапки.

Большинство фермеров оставили бы тяжело раненное животное умирать, предоставив природе делать свое дело, но мой отец, увидев, что котенок еще жив, подобрал его и поспешил домой. Моя мама, которая тоже очень любила животных, стала за ним ухаживать и около месяца кормила молоком из бутылочки. По ночам она укладывала его на предварительно нагретое одеяло, а днем держала в кухне, где от плиты все время полыхало жаром. Я через мамино плечо смотрела, как она ухаживает за ним, и радовалась его выздоровлению. К середине лета раны на культях Снежинки совсем зажили. Люди считают кошек ленивыми, но видели бы вы, с каким упорством и решимостью Снежинка училась передвигаться! Буквально через пару дней она уже стояла на передних лапках, балансируя задранным вверх тельцем. Потом научилась прыгать, виляя в воздухе попкой, как развязная девица, а ее крошечный хвостик торчал прямо вверх. Мы обожали друг друга. В то лето мы целыми днями играли с ней, я с криком и смехом носилась по ферме, а Снежинка прыгала за мной, удерживая равновесие взмахами туловища. Осенью, возвращаясь из школы, я выскакивала из автобуса, бежала в дом, бросала ранец на стул и выбегала во двор, подзывая к себе мою любимую Снежинку. Она жила не очень долго, и после ее смерти я долго плакала. Но я никогда не забуду, как Снежинка, подпрыгивая, танцевала по двору, будто исполняла джиттербаг[2]. С того лета мне навсегда запомнились воля к жизни и решимость Снежинки, а также полученный от родителей урок бережного и уважительного отношения к любому живому существу.

Насколько отличался жизненный опыт пятилетней Ивонны от моих впечатлений? Не знаю. Она не рассказывала мне, играла ли со своими братьями и сестрами, или ее оставляли одну во дворе. Предпочитала ли она общество кошек из-за одиночества или из любви к ним? Но я знаю, что ее родители, как многие сельчане, были равнодушны к кошкам и не помогали ей ухаживать за теми из них, что появлялись у них во дворе.

«Эти кошки все время умирали или пропадали, – говорила Ивонна. – Ия очень расстраивалась и плакала. Но как я ни просила, родители никогда не покупали для них еду, говорили, что не могут себе этого позволить».

Мое самое первое отчетливое детское воспоминание – мой отец с тем раненым котенком на ладони объясняет маме, какая беда с ним случилась. Самое первое воспоминание Ивонны – это история с фотографированием. Ее мама захотела сделать снимок детей с их любимыми кошками. Ивонна никак не могла найти своего котенка, которого по окрасу шерсти назвала Черно-белым. Мать велела ей прекратить поиски, встать рядом с братом и сестрой, которые подняли вырывающихся кошек к камере.

– Ну-ка, улыбнись! – скомандовала мать.

– Я не могу найти своего котенка…

– Не важно. Улыбайся, я снимаю!

Ивонна вымученно улыбнулась, а потом, закусив губу, перевела тоскливый взгляд на окружающие поля. В Айове повсюду, даже вокруг городов, раскинулись огромные плоские пространства. Девочка долго смотрела на расстилающийся перед нею мир, а потом подошла к матери и спросила, сфотографирует ли она ее с какой-нибудь другой кошкой.

– Нет, – сказала ей мать. – У меня кончилась пленка.

– Я так огорчилась, что едва не заплакала, но удержалась, – сказала мне Ивонна. – Я знала, что надо мной будут смеяться.

---

[2] Джиттербаг – танец в стиле свинг.

Через десять лет, когда Ивонне было шестнадцать, ее отец устроился работать на завод Уитко, и вся семья перебралась в Спенсер. Я помню, как я подростком жила в Хартли и ездила учиться в Спенсер. Это было ужасно. Девочки из школы казались мне взрослыми и опытными, их наряды просто шикарными, они не стеснялись разговаривать с мальчиками, стоя на перекрестках улиц, как будто были героинями из фильма «Бриолин»[3]. Помню, я считала их более развитыми в физическом отношении, чем мы, деревенские дети, мне казалось, что им ничего не стоит нас одолеть. Таким был для меня Спенсер, хотя по сравнению с Ивонной у меня были определенные преимущества. Моя бабушка жила в городе, поэтому я уже была знакома с улицами и магазинами; до этого я посещала школу в Хартли, одну из самых больших школ в округе; с моим характером, открытым и общительным, меня не так-то просто было запугать или смутить. Но я легко могу представить, каково было крайне застенчивой Ивонне, которая впервые оказалась в Спенсере, не очень успевала в школе и никогда не чувствовала себя непринужденно в обществе посторонних людей, даже в Сатерленде. И когда она сказала, что проведенные ею в школе Спенсера полтора года были сплошным мучением, я хорошо ее поняла. Единственное, что позволяло ей чуть меньше страдать от одиночества, – это котика. Перед самым переездом в Спенсер у тетушки Мэй кошка родила несколько котят с сиамской помесью. Увидев их, Ивонна пришла в восторг и умолила родителей позволить ей взять одного котенка. Когда они пришли за ним, успевшие подрасти малыши носились по двору, спотыкаясь на неокрепших еще лапках, то и дело падая в лужи. Ивонна растерялась: «Как же я найду среди них своего котенка?»

Тут один из них вылез из убежища, где он прятался, робко подошел и застенчиво посмотрел на нее, словно говоря: «Здравствуй!»

– Хорошо, я возьму тебя, – прошептала Ивонна.

Она назвала котенка, оказавшегося девочкой, Тоби.

От обычных сиамских кошек она отличалась более темным коричневым цветом и более коротким и округлым туловищем, зато у нее были типичные для сиамок красивые голубые глаза и очень мягкая шерстка. Мягкой была не только ее шерстка – она была необыкновенно мягкого и кроткого нрава, что сказывалось во всех ее повадках и даже в тоненьком голоске. И Тоби была явно не из храброго десятка. Она пряталась, как только кто-то входил в комнату; убегала, если где-то в доме открывалась дверь; спасалась на кровати Ивонны, если слышала шаги на лестнице. На улицу она выскочила только один раз, незаметно прошмыгнув мимо стоявшей на пороге Ивонны. Девочка выбежала во двор и увидела, как Тоби свернула за угол родительского дома. Она обогнула дом с другой стороны и встретила кошку на заднем дворе. Тоби бросилась вперед и вспрыгнула ей прямо на руки, вся дрожа от пережитого страха.

– Ох, Тоби, больше никогда не убегай! – попросила ее Ивонна. – Пожалуйста, никогда так не делай, хорошо?

Трудно сказать, кто из них больше испугался.

– Тоби была очень ласковой и нежной. Любила лежать у меня на животе. По ночам она всегда спала рядом со мной, – рассказывала Ивонна.

– Уверена, вам это было очень приятно, – ответила я.

– Да, очень.

Окончив школу, Ивонна стала работать с отцом на заводе Уитко. Завод занимался производством ручного гидравлического инструмента, известного под названием шприц для смазки, предназначенного для разбрызгивания масла в тесном пространстве автомобильного мотора и других машин. После мучений в школе Спенсера работа на конвейере стала для девушки желанным прибежищем. Работа велась в быстром темпе и требовала больших физических затрат, но Ивонна была молодой и сильной. Она научилась закреплять болты

[3] «Бриолин» *(амер.* Grease) – популярный фильм 1978 г. о 50-х гг. XX в.

быстро, не задерживая ленту конвейера, а главное, ей не нужно было разговаривать с другими работницами.

– Конечно, это не самая интересная работа, – говорила она, будто стесняясь своей гордости за то, что хорошо справлялась с заданием, – но все-таки это была работа.

А я хорошо знаю, что нет ничего лучше сосредоточенной работы.

За воротами завода Ивонна почти ни с кем не общалась, но, возвращаясь после смены домой, она была уверена: ее ждет Тоби. Малышка предпочитала сидеть где-нибудь наверху, подальше от людей, которые могут наступить на нее или задеть руками, и частенько подстерегала приход хозяйки, устроившись на книжном шкафу. Иногда, открывая входную дверь, Ивонна заставала ее на верхней ступеньке лестницы. Если дома никого не было, Тоби сбегала вниз и ходила за ней по пятам: в кухню, в столовую. Но как только кто-то приходил, Ивонна подхватывала ее на руки, поднималась в свою комнату и закрывала за собой дверь. Скоро девушка поняла, что большую часть дня Тоби проводила на ее кровати под одеялом, дожидаясь возвращения единственного человека, в обществе которого она чувствовала себя спокойно и уютно. Именно это и нужно было Ивонне: друг, который всегда рядом с ней.

Когда Ивонне исполнилось двадцать с небольшим, она со старшей сестрой переехала от родителей в четырехквартирный дом. Тоби любила тишину, а Ивонна любила быть одна. На работе дела у нее шли хорошо, она наловчилась очень быстро привертывать болты к маленьким шприцам для масла. Но на протяжении многих лет пронумерованные улицы Спенсера наводили на нее ужас, а каждый прохожий казался незнакомцем. Постепенно она привыкла, стала разбираться в топографии города и узнавать примелькавшиеся лица. Она делала покупки в магазинах на Гранд-авеню или в торговой галерее в южном районе. Она приобретала одежду в «Фэйшн Баг» и любимую еду Тоби «Тендер Витлс» в маленьком магазинчике товаров для животных. Однажды на Хеллоуин Ивонна купила себе страшную маску. Надев ее, она громко затопала вверх по лестнице и, открыв дверь в спальню, зарычала. Бедняжка Тоби испуганно вытаращила свои прелестные голубые глазки, вся ощетинилась и стала пятиться. Ивонна поспешно сдернула с себя маску.

– Тоби! Это же я!

Малышка несколько секунд внимательно смотрела на нее, затем отвела взгляд в сторону, словно хотела сказать: «А я знала!»

На следующий день Ивонна решила еще раз напугать Тоби. Она надела маску и с топотом вошла в комнату. Тоби кинула на нее всего один взгляд и отвернулась: «Перестань, я знаю, что это ты».

Ивонна рассмеялась.

– Ты у меня умница, правда, Тоби? – И крепко ее обняла.

Так Ивонна Бэрри нашла свою нишу в жизни, где ей было спокойно и уютно, нашла себе верную подругу и была счастлива. Дни протекали за днями без шумных событий, но с маленькими скромными радостями. На Рождество Ивонна построила небольшой туннель из коробок из-под подарков, и Тоби целыми днями сидела в этом туннеле.

– Ах, как Тоби любила рождественскую елку! Я думала, в этом она была уникальна, а потом узнала, что ее любят многие кошки.

По вечерам она катала Тоби на вертящемся кресле в своей спальне, и та шаловливо пыталась ударить ее лапой каждый раз, когда пролетала мимо. Даже спустя десять лет Ивонна улыбнулась, вспоминая эту игру, которую так любила Тоби. А то, что нравилось Тоби, нравилось и самой Ивонне.

Когда в 1980-х местная экономика переживала кризис и Ивонне сократили рабочую неделю, она возвратилась к родителям. Ивонна не сказала, как она отнеслась к этому факту, но, думаю, это мало что изменило в ее жизни.

– Квартплата стала для меня слишком высокой, поэтому я спросила родителей, можно ли мне вернуться домой, и они приняли меня. Иногда отец шуршал пальцем под газетой, – продолжала она, – а Тоби воинственно нападала на нее, и отец смеялся.

Но чаще, когда Тоби оставалась с родителями, она просто сидела на спинке кресла и смотрела в окно, а отец читал свою газету. Сестра и брат Ивонны уже начали самостоятельную жизнь и уехали из родительского дома.

Ну, что тут скажешь? Может быть, в доме было больше веселых моментов и смеха, чем я представляла? Может, Тоби удалось пробить брешь в молчаливой стене, какой отгораживался от всех отец Ивонны? Или игра с газетой лишь изредка нарушала царящую в доме суровую тишину? Хотелось бы так думать, но почему-то в моем воображении вставала следующая грустная картина: бесконечные дни, недели и даже месяцы – если я правильно поняла Ивонну – проходят в суровой, давящей тишине, лишь изредка нарушаемой веселой игрой с газетой. А в остальное время старый человек сидит в своем кресле, закрывшись свежим номером газеты; маленькая кошка пристально смотрит в окно, и молодая женщина выглядывает из-за полуоткрытой двери. Или отец смотрит по телевизору бейсбол, мать в своей комнате читает бесконечные романы, а Ивонна с кошкой тихонько поднимается к себе в комнату играть.

Но всего в двух кварталах от ее дома был Дьюи.

Библиотека не только хранилище книг. Большинство моих знакомых библиотекарей вовсе не считают своей главной обязанностью заниматься книгами. Главное – это создать атмосферу открытости и доступности. Многие люди испытывают затруднения в общении, зато они могут запросто зайти в библиотеку. Уверена, вам не раз приходилось слышать, как выросший в бедности ребенок, ныне преуспевающий, говорит, что его спасла библиотека. Да, конечно, знания, собранные в книгах, а теперь еще и в компьютерах, значительно расширяли его горизонт. Но библиотека предоставляла ему еще и место. Если дома происходила крупная ссора или драка, ребенок мог убежать от нее в тихую библиотеку. Если дома его не замечали, здесь он мог найти возможность общения с людьми. И при этом не обязательно было вступать в разговоры. Удивительные связи порой образуются между людьми. Зачастую достаточно чувствовать присутствие человека, даже если вы и словом с ним не обмолвились.

Когда я стала директором Публичной библиотеки Спенсера, я поставила перед собой задачу сделать ее более открытой, доступной и привлекательной для посетителей. Разумеется, я не забывала заботиться о поступлении новых книг, но больше всего мне хотелось изменить царящую в ней атмосферу. Чтобы люди чувствовали себя у нас комфортно, ощущали себя членами общины, а не просто посетителями муниципального учреждения. Я попросила выкрасить стены в более яркие цвета, заменила внушительную темную мебель на более удобные столы и стулья. Я организовала сбор средств для приобретения картин и бюстов знаменитых писателей, поэтов и ученых, которые мечтала расставить на стеллажах. Я просила сотрудников встречать посетителей с приветливой улыбкой, обязательно с ними здороваться. Примерно через полгода в коробе для возврата книг я нашла крошечного Дьюи и сразу поняла, что он отлично подходит для осуществления моих планов. Несмотря на перенесенные испытания, он оказался спокойным котенком с уравновешенной психикой и дружелюбным нравом. Но я думала, что он будет всего лишь ярким, живым пятном в убранстве библиотеки, что если он изредка выйдет из своего укромного уголка и пройдется по залам библиотеки, у людей возникнет ощущение уютного дома.

Но Дьюи и не собирался держаться в тени. Как только подушечки у него на лапках зажили (он отморозил их за время пребывания в металлическом коробе для книг) и малыш стал передвигаться более уверенно, он сразу занял среди сотрудников ведущую роль. Парадокс в нашей работе заключается в том, что библиотекарь не может вести себя слишком дру-

желюбно. Люди должны чувствовать себя у нас желанными визитерами, но ты не должен им навязываться. Библиотека – не среда для общения. Человек может зайти сюда в любое время, но не обязан вступать в пространные разговоры, если у него нет на это желания. Это зависит от него самого. Если ему хочется поговорить, он может это делать хоть целый день. Если он хочет оставаться наедине с собой, библиотека дает ему и эту возможность. Многие люди, особенно предпочитающие одиночество или не очень уверенные в себе, ценят библиотеку именно за это сочетание уединенности и публичности, за возможность побыть среди людей без необходимости поддерживать с ними общение.

Дьюи загадал библиотекарям загадку, в частности, в случае с Биллом Малленбергом. В течение многих лет Билл занимал должность директора школы Спенсера. Эта серьезная и уважаемая работа предполагала необходимость еженедельно беседовать с сотнями людей. Билл тяжело перенес уход на пенсию, так как внезапно оказался не у дел после стольких лет работы. Ситуация осложнилась тем, что как раз в это время у него умерла жена, которую он очень любил.

После ее кончины он стал каждый день приходить в библиотеку и читать газеты – не из желания сэкономить деньги на подписку. Просто дома ему было слишком одиноко. Как должны были вести себя сотрудники? Мы с ним здоровались, перебрасывались парой фраз, но втягивать его в более серьезные разговоры было бы нарушением этических правил. К тому же у нас была работа. Город платил нам не за то, чтобы мы поддерживали с людьми дружеские отношения или оказывали бы им терапевтическую помощь. Чтобы библиотека функционировала, каждый из нас работал минимум сорок часов в неделю.

И тут появился Дьюи. У него не было ограничений, сковывающих сотрудников библиотеки, и как наш общественный директор и официальный встречающий, он был свободен от работы. Дьюи не задумываясь подходил к незнакомцам и вспрыгивал к ним на колени. Если его сталкивали, он возвращался два-три раза, пока не понимал, что его присутствие нежелательно. И тогда он просто удалялся, ничем не выразив своего разочарования. Бесцеремонный кот не так раздражает, как чересчур назойливый и сочувствующий библиотекарь, потому что он не осуждает, не оказывает морального давления, не задает неприятных или тяжелых вопросов.

Однако, если посетитель принимал Дьюи, результат оказывался поистине поразительным. Со временем Биллу стало нравиться, что Дьюи сидит или даже спит у него на коленях, и уже через месяц его поведение изменилось. Главное – он начал улыбаться! Думаю, он улыбнулся впервые после смерти жены, когда Дьюи второй или третий раз забрался к нему на колени, оттолкнул газету и потребовал ласки. Теперь Билл постоянно улыбался, как раньше на работе. Он стал чаще разговаривать с персоналом, каждое утро проводил у нас все больше времени. Наблюдая за Биллом, я в первый раз осознала, что Дьюи не просто яркое и пушистое дополнение к убранству библиотеки.

После появления Дьюи количество посетителей резко возросло. Я не уверена, что это из-за него многие пришли сюда в первый раз, но нет сомнений, что именно его присутствие заставило их посещать нас снова и снова. Например, Ивонна пришла сюда, когда Дьюи было уже около полугода. Она прочла о его спасении в «Спенсер дейли репортер», но решилась зайти только летом. К тому времени Дьюи уже заметно подрос. С пушистым хвостом, блестящей рыжей шерсткой и «воротником», он чувствовал себя в библиотеке спокойно и уверенно. Ивонна увидела его, когда он величественно шествовал по залу, как король по своим владениям.

Какой красивый кот, подумала она. Я не видела, как они встретились. Думаю, это Дьюи первым подошел к Ивонне, потому что он всегда так делал. Но вполне может быть, что она сама потянулась к нему. Видимо, они успели подружиться, потому что как-то раз я обратила внимание, что Дьюи обычно держится рядом с ней. Он терся об ее ноги, обнюхивал ей

пальцы, когда она его гладила, прислушивался к ее шепоту. Она комкала газету в мяч, кидала ему, и он хватал его, падал на спину и подбрасывал в воздух задними лапками. И эта игра продолжалась минут по пять, пока ему не надоедало.

Ивонна покупала ему разные мелкие игрушки, такие же, как своей Тоби. Она высоко поднимала руку с игрушкой, предлагал Дьюи подпрыгнуть и выхватить ее. Однажды она подняла игрушку на уровень своей головы, около пяти футов от пола.

– Ну, Дьюи, прыгай! У тебя получится.

Дьюи внимательно посмотрел на игрушку, затем опустил голову. Наверное, он не сможет так высоко прыгнуть, подумала Ивонна, и тут Дьюи повернулся, взвился в воздух – как ракета, вспоминала Ивонна, прямо как ракета – и выхватил игрушку из ее руки. Она изумленно уставилась на него и рассмеялась:

– Ты обманул меня, Дьюи! Вот плутишка!

В ноябре она пришла на день рождения Дьюи. Ее нет на видео, но это не удивительно. Ивонна из тех людей, которые могут стоять рядом с тобой целый час, когда ты вдруг увидишь и скажешь: «Ой, я и не заметила, что вы здесь». К таким людям относится молчаливый, но усердный работник, который, кажется, никогда не выходит из кабинета; соседка, которую вы редко видите, пассажирка в автобусе, не поднимающая взгляда от книги. В этом нет ничего грустного или досадного, ибо кто мы, чтобы судить о внутренней жизни человека? Откуда нам знать, что у него сегодня на душе? Соседи Эмили Дикинсон считали ее замкнутой старой девой, которая тихо и незаметно живет с родителями, тогда как она была величайшей американской поэтессой и поддерживала оживленную переписку с самыми блестящими писателями своего времени. Застенчивость не болезнь, а свойство личности.

А Дьюи был полной противоположностью Ивонны. Видеозапись того дня рождения запечатлела его во всей его красе и мастерстве уверенного в себе актера. Вокруг него толпились дети, отталкивая друг друга, чтобы занять выгодную позицию перед объективом, но Дьюи это нисколько не раздражало. Его хватали на руки, визжали от восторга, а он явно наслаждался вниманием. То он вспрыгивал кому-то на колени, то с аппетитом лизал именинный пирог – оформленный в виде мышки торт из кошачьего корма, украшенный тертым сыром, взбитым со сливками, – и нисколько не смущался, что на него с обожанием смотрят десятки детских глаз. Он подошел к Ивонне – по крайней мере, посмотрел ей в глаза, – и она почувствовала, что пришла не зря.

Я знаю это по тому, что произошло год спустя, в 1989-м, на вечеринке в библиотеке. Около двухсот людей пришли отпраздновать открытие библиотеки после перепланировки и ремонта, и я водила гостей по залам, показывая, что мы изменили. Ивонна тоже пришла, но держалась в тени, как когда-то в школе. Одно дело быть незаметной в библиотеке, но оставаться незамеченной на вечеринке крайне неприятно и неловко. Но вдруг она увидела, как сквозь толпу пробирается Дьюи, явно недовольный отсутствием внимания к его персоне. Тут он заметил Ивонну и направился к ней. Она взяла его на руки, прижала к себе, и он положил головку ей на плечо и удовлетворенно замурлыкал.

– Кто-то сфотографировал нас, – сказала мне Ивонна во время нашего разговора. – Не знаю, кто это был, но в этот момент я увидела вспышку. Я стояла спиной к фотографу, а Дьюи смотрел прямо в камеру. Но это не важно, главное – на том снимке мы с ним вместе.

Я вовсе не хочу сказать, что вся жизнь Ивонны сосредоточилась на библиотеке, где она встречалась с Дьюи. Замкнутая и стеснительная по природе, она скрывала от посторонних свои переживания, хотя и переписывалась со своими друзьями. Как у большинства из нас, с работой ее не все было легко и просто. С одной стороны, она гордилась своими успехами, с другой – огорчалась, что ее не переводят на более оплачиваемую работу. Ивонна любила

своих молчаливых и сдержанных родителей, ее связывали с ними очень сложные отношения, о сущности которых она предпочитала умалчивать.

Зато с удовольствием рассказывала мне о Тоби. Думаю, Дьюи, именно потому, что обладал совершенно другим характером, давал ей возможность удовлетворить свою потребность в общении. А Тоби была ее самым близким другом. Ивонне, безусловно, нравилось быть с Дьюи, но любила она Тоби, которая платила ей такой же нежной и самозабвенной любовью. Во всем мире для Тоби существовала одна Ивонна Бэрри, и стоило ей войти в дом, как она радостно бросалась ей навстречу. Их связывало родство душ. Когда Ивонна сказала: «Тоби была тихой, спокойной кошкой, и очень ласковой. Она никогда ни с кем не ссорилась, она просто хотела жить и давала возможность другим жить так, как им хочется, если вы понимаете, что я хочу сказать», я сразу подумала, что она говорит о себе.

Они были очень преданны друг другу.

– Я никогда не уезжала из дома на ночь, потому что не могла оставить Тоби одну.

Однажды они вместе отправились в Миннеаполис, к сестре Ивонны Дороти. Первые миль пятнадцать Тоби отчаянно кричала и прижималась мордочкой к сетке переносной сумки, словно хотела вырваться. Только в районе Милфорда кошка поняла, что ее везут не к ветеринару, и успокоилась. Но зато стала мяукать, обращаясь к Ивонне, будто просила сказать, куда они едут. Ну как ей объяснить, что такое Миннесота? Наконец она уползла в дальний уголок сумки и тихо лежала там целых пять часов. Приехав в дом сестры, Ивонна сразу отнесла Тоби в комнату для гостей. Там она пользовалась своим туалетом, ела любимый корм «Тендер Витлс» и пряталась под кроватью, пока Ивонна не поднималась в спальню. Тогда Тоби живо забиралась к ней на руки, уютно располагалась на плече и лизала в ушко, радуясь ее возвращению. «Я люблю тебя, Тоби», – нежно шептала ей Ивонна. Если не считать длительной поездки, это был такой же выходной день, как и все другие.

Казалось бы, можно было объяснить столь сильную привязанность Ивонны к Тоби тем, что постоянное присутствие этой ласковой и преданной кошки давало ей ощущение спокойствия и стабильности бытия. Однако жизнь Ивонны вообще не отличалась разнообразием. Из года в год постоянное стояние у конвейера и все те же шприцы для смазки, повседневные домашние заботы, однообразные молчаливые вечера с родителями. Даже в ее общении с Дьюи важную составляющую играло приятное сознание, что, зайдя в библиотеку, она непременно застанет его на месте. Так что, хотя отношения между Ивонной и Тоби не назовешь слишком эмоциональными, каждый радовался тому, что у него есть друг. И этого было достаточно.

Но, как это ни прискорбно, мы всегда должны помнить, что жизнь кошки короче человеческой. Для Ивонны тринадцать лет любви и дружбы с Тоби были сравнительно небольшим отрезком ее жизни, но для Тоби это была целая жизнь. К 1990 году кошка стала заметно сдавать, развившийся в суставах артрит не позволял ей, как прежде, бегать по лестнице вверх-вниз. Шерстка ее поредела, и, возвращаясь вечером домой, Ивонна все чаще заставала ее на кровати свернувшейся калачиком и не желающей просыпаться.

Приблизительно в это время Ивонна открыла для себя Библию. Она сказала, что к этому ее подтолкнули приготовления к первой «войне в заливе»[4]. Угроза войны вызвала у нее тревогу и неуверенность в будущем. У меня нет причин в этом сомневаться, но могли быть и другие причины, о которых ей трудно было говорить. Это и огорчало, отказ управления завода Уитко перевести ее на лучшую работу, хотя она была уверена, что справится. И болезнь суставов колена, проявившаяся после долгих лет работы на ногах за конвейером. И

[4] Имеется в виду война 17 января – 28 февраля 1991 г. между многонациональными силами (во главе с США, по мандату ООН) и Ираком за освобождение и восстановление независимости Кувейта.

ухудшение здоровья матери. И наверняка неизбежное и очевидное старение и все возрастающая немощь Тоби, которая столько для нее значила.

Чем неотвратимее приближалась война и чем больше слабела Тоби, тем глубже погружалась Ивонна в религиозное чтение. Сначала она с ужасом читала библейские пророчества войны и конца света, но затем она стала искать в Боге утешение и поддержку. Через полгода после того, как она впервые взяла в руки Библию, войска пересекли границу Ирака и небо над Багдадом затянули клубы взрывов. Вот тогда Ивонна Бэрри опустилась на колени у кровати и вознесла Иисусу свою первую молитву.

– У меня возникло ощущение, будто меня током пронзило, – описывала она этот момент. – Я сразу почувствовала себя иначе и после этого спала так спокойно, как никогда в жизни. И я поняла: что-то изменилось.

Ивонна стала читать Библию минимум по часу в день, начала посещать Первую Баптистскую церковь: два раза по воскресеньям и один раз по четвергам, ходила на молитвенные собрания. Вскоре Ивонна оказалась втянутой в жизнь общины. По вечерам, сидя дома, она находила в Библии спокойствие и утешение. Иногда Тоби сворачивалась клубком рядом с ней, но большую часть времени она проводила в корзине с накидкой, куда Ивонна положила овечью шерсть, чтобы ее любимица не мерзла. Ивонна услышала, что кошачий корм «Фэнси Фист» продлевает кошкам жизнь, и стала покупать его вместо «Тендер Уитлс», хотя ей это было не по средствам. Она обожала Тоби и, как всегда, заботилась о ней. Но после обеда, вместо того чтобы покатать кошку в вертящемся кресле, она возвращалась к чтению Библии, все чаще оставляя ее одну.

А спустя год после того, как Ивонна стала верующей, Тоби начала спотыкаться при ходьбе. Однажды летним вечером она упала в спальне и сделала лужицу. Тоби испуганно и тревожно смотрела на Ивонну, не понимая, как такое могло с ней случиться. Ивонна принесла ее к доктору Эстерли, который обследовал кошку и поставил страшный диагноз: у Тоби безнадежное поражение печени. Он мог продлить ее жизнь на несколько дней, но предупредил, что все это время она будет очень страдать.

Ивонна опустила голову и прошептала:

– Я не хочу, чтобы она мучилась.

Она держала Тоби на руках и гладила, пока доктор Эстерли готовил шприц. Кошка положила головку на локоть Ивонны и закрыла глаза, как будто чувствовала себя в безопасности рядом со своим другом. Ощутив укол, Тоби издала отчаянный вопль, но даже не дернулась. Она только с ужасом и недоумением посмотрела в глаза Ивонны, затем внезапно ослабла и уснула навеки. С помощью отца Ивонна похоронила ее в дальнем углу их двора.

У нее осталось множество радостных воспоминаний о любимой кошке: рождественская елка, вертящееся кресло, ночи, когда кошка спала рядом с нею в кровати. Но этот последний вопль, совершенно не похожий на те, что обычно издавала Тоби… Ивонна не могла его забыть. Он разрывал ей сердце, и внезапно ее охватило гнетущее чувство вины. Тоби всю свою жизнь посвятила Ивонне, но, когда она состарилась, стала болеть и больше нуждаться во внимании, Ивонна отвернулась от нее. Она перестала катать ее в кресле, не строила для нее туннель из коробок от подарков, не замечала, как тяжело она больна.

В тот вечер она пришла на молитву. Глаза ее опухли, по щекам еще лились слезы, и члены общины спрашивали:

– Что случилось, Ивонна? Почему ты плачешь?

– Сегодня умерла моя кошка, – сказала она.

– О, какая жалость, – говорили они, похлопывая ее по плечу и, не зная, что еще сказать, отходили.

Они действительно жалели ее, эти добрые люди, но не понимали ее горе. Для них это была всего-навсего кошка. Как и все мы, они даже не знали ее клички.

Когда на следующий день Ивонна пришла в библиотеку, ей не только не стало легче – она еще острее испытывала чувство вины, горькой утраты и бесконечного одиночества. У нее не было желания заглянуть в книгу, поэтому она сразу уселась на стул и погрузилась в скорбь о Тоби.

Минуту спустя из-за стеллажа вышел Дьюи и медленно направился к ней. Обычно каждый раз – по крайней мере, последние несколько лет, – завидев ее, Дьюи мяукал и вел ее к женскому туалету. Ивонна открывала дверь, Дьюи вспрыгивал на умывальник и требовал, чтобы она пустила воду. Внимательно поглядев на льющуюся из крана воду, он ударял по струе лапой, испуганно отскакивал, затем снова осторожно подкрадывался, и так повторялось снова и снова. Это была их особенная игра, можно сказать ритуал, установившийся за время их давнего знакомства. И Дьюи никогда не пропускал возможности поиграть со струей воды.

Но на этот раз он остановился, склонил головку набок и пристально посмотрел на Ивонну. Затем вспрыгнул ей на колени, несколько раз ласково потерся о ее руку мордочкой и свернулся клубочком. Она тихо поглаживала его, время от времени смахивая слезы, пока он не уснул.

Она продолжала медленно и нежно гладить его. Через какое-то время печаль ее стала ослабевать и постепенно совсем исчезла. И не потому, что Дьюи понял ее боль, не потому, что он был ей другом. Просто пока она глядела на мирно спящего Дьюи, чувство вины перед любимой кошкой оставило ее. Она поняла, что совершила доброе дело, избавив Тоби от мучительных страданий. Она любила свою маленькую и кроткую кошечку, и вовсе не обязательно каждую минуту это доказывать. И нет ничего дурного в том, чтобы дальше жить своей жизнью. Настало время окончательно проститься с Тоби.

У моего друга Брета Уиттера, который помогал мне писать эти книги, есть так называемая больная мозоль. Он терпеть не может, когда его спрашивают: «Так чего же такого особенного было в Дьюи?»

– Вики исписала двести восемьдесят восемь страниц, объясняя это, – говорит он. – Если бы это можно было выразить в одном предложении, она написала бы просто почтовую открытку.

Он считал свой ответ очень остроумным. Затем он понял, что этот вопрос всегда заставляет его подумать о случаях из своей собственной жизни – не обязательно связанных с кошками, с библиотеками и даже с Айовой, – но которые могли бы ему подсказать короткий ответ. Поэтому он перестал упоминать о почтовой открытке и рассказал историю из своего детства, проведенного в городе Хантсвиль, Алабама. По соседству с ним жил мальчик, умственно и физически отсталый. Они посещали одну школу, ходили в одну церковь, так что, когда в седьмом классе произошел поразивший Брета случай, он уже очень хорошо знал этого мальчика. За все это время мальчик, который не умел даже говорить, никогда не выражал свои эмоции, ни радость, ни раздражение, никогда и ничем не привлекал к себе внимание.

И вдруг во время занятий в воскресной школе он начал кричать. Он оттолкнул стул, схватил пенал с карандашами и стал с бешенством разбрасывать их по комнате. Остальные дети притихли и с удивлением смотрели на него. Учительница воскресной школы сперва растерялась, а затем закричала ему, чтобы он успокоился, вел себя осторожно и перестал будоражить класс. Мальчик продолжал пронзительно визжать. Учительница уже хотела выставить его из класса, как вдруг один ученик по имени Тим встал, подошел к мальчику, обнял его, «как будто он был обычным человеком», как всегда говорил об этом Брет, и сказал: «Все в порядке, Кайл, все хорошо, успокойся».

И Кайл успокоился. Он прекратил колотить рукой по столу, выронил карандаши и заплакал. И Брет подумал: «Хотелось бы мне оказаться на месте Тима. Жаль, что я не понял, что было нужно Кайлу».

Таким был и Дьюи. Казалось, он всегда понимал состояние человека и знал, что ему нужно. Я далека от того, чтобы считать Дьюи равным Тиму, – ведь Дьюи был котом, а не человеком, – но он был наделен редким даром сочувствия, сопереживания. Он чутьем улавливал состояние человека и откликался на него.

И это не так просто, как может показаться. Чаще всего мы настолько заняты или поглощены своими переживаниями, что даже не замечаем, что упускаем шанс оказать человеку помощь. Оглядываясь назад, я вспоминаю, что еще до игры со струей воды Ивонна приносила Дьюи кошачью мяту. Каждый день она состригала у себя во дворе пучок этого растения и клала его на ковер в библиотеке. Дьюи моментально прибегал и нюхал ее. Несколько раз глубоко втянув в себя манящий, отдающий лимоном запах, он зарывался в мяту головой и принимался жадно жевать, громко чавкая и высовывая язычок. Он катался по полу на спине, так что мелкие зеленые листочки застревали в его шерсти. Потом переворачивался, ерзал на животе, прижимаясь к ковру подбородком, как Гринч[5], который крадется за рождественскими подарками. Ивонна присаживалась рядом и шептала: «Неужели тебе так нравится эта травка, Дьюи? Ах, как нравится!» А он дико молотил лапками по воздуху, затем в изнеможении падал на спину, разбросав их в сторону, и затихал.

Однажды, когда Дьюи впал в состояние полного возбуждения из-за кошачьей мяты (сотрудники говорили, что Дьюи танцует мамбу), Ивонна подняла голову и поймала мой пристальный взгляд. Тогда я ничего не сказала, но через несколько дней остановила ее и попросила: «Ивонна, пожалуйста, не надо так часто приносить Дьюи кошачью мяту. Он ее страшно любит, но ему это не очень полезно».

Ничего не ответив, она опустила голову и ушла. Я хотела, чтобы она сократила эти подарки до одного раза в неделю, но больше она никогда не приносила в библиотеку это растение.

Тогда я была уверена, что поступаю правильно, потому что эта трава вызывала у Дьюи сильнейшее возбуждение. Минут двадцать он буквально сходил с ума, потом Ивонна уходила, а Дьюи несколько часов лежал без сознания. Мне это казалось несправедливым по отношению к другим посетителям. Ивонна наслаждалась общением с котом, лишая их этого удовольствия.

И только позже я поняла, что должна была подойти к этой проблеме более деликатно. Мне следовало догадаться, что для Ивонны игра с Дьюи имела огромное значение. Вместо того чтобы задуматься о том, что заставляло ее играть с Дьюи, я поверхностно оценивала ее поведение и, в конце концов, велела прекратить эти игры. Вместо того чтобы обнять, я оттолкнула ее.

А вот Дьюи никогда этого не делал. Он всегда оказывался рядом, когда люди испытывали потребность в его присутствии. Уверена, он совершал это чудо для множества людей, которые просто не говорили мне об этом. Он поддержал Билла Маленберга и Ивонну точно так же, как Тим поддержал Кайла. Когда еще никто не догадывался, что происходит с человеком, Дьюи уже действовал. Конечно, он не понимал причины проблемы, но чувствовал, что человеку плохо. И действовал, подчиняясь своему инстинкту. Дьюи как бы обнял Ивонну и сказал ей: «Все хорошо, не бойся. Я с тобой. Все будет хорошо».

Я не говорю, что Дьюи изменил жизнь Ивонны, но он облегчал ей бремя печали. Она долго сносила свое униженное положение, и смерть Тоби оказалась последней каплей. Через

[5] Гринч – сказочное существо, главный герой семейной комедии «Гринч – похититель Рождества» (США, 2000).

месяц после смерти Тоби как-то на работе Ивонна потеряла терпение и высказала все, что у нее наболело. Ее не просто сразу уволили, но и демонстративно выпроводили за ворота завода.

Но на этом ее беды не закончились. Спустя два года от рака толстой кишки скончалась ее мать. Еще через два года у Ивонны нашли рак матки. В течение полу-года она ездила в Айова-Сити на лечение в больницу, тратя на дорогу шесть часов. Не успела она одолеть рак, как у нее стали отказывать ноги. В течение долгих лет она простаивала у конвейера по сорок часов в неделю, и это тяжело сказалось на коленных суставах.

Но у нее оставались вера в Бога, домашние дела и – Дьюи. После кончины Тоби он прожил еще пятнадцать лет, и все эти годы Ивонна Бэрри несколько раз в неделю приходила с ним повидаться. Если бы меня тогда спросили, я не сказала бы, что в их отношениях было что-то особенное. Библиотеку регулярно посещало множество людей, и почти все уделяли время Дьюи. Откуда мне было знать разницу между теми, кто находил Дьюи очаровательным, и теми, кто нуждался в его любви и дружбе и очень ими дорожил?

По окончании поминок по Дьюи Ивонна рассказала мне о том, как Дьюи уселся у нее на коленях и утешил ее. Значит, и после стольких лет его поступок сохранял для нее огромное значение. И это меня тронуло. До этого я не подозревала, что у нее была своя кошка, не знала, как она к ней относилась, но Дьюи утешил ее, как всегда утешал меня, одним своим присутствием. Такие на первый взгляд незначительные моменты могут быть чрезвычайно важными. Они способны изменить жизнь. Этому научил меня Дьюи. И история Ивонны (когда я наконец-то нашла время ее выслушать) подтверждает это.

Я не заметила, когда именно – после смерти Дьюи – Ивонна перестала посещать библиотеку. Ее визиты становились все реже, она исчезла так же, как появилась когда-то – тихо и бесшумно, как тень. Через два года после того, как Дьюи с нами не стало, я отправилась навестить ее, но застала ее уже в реабилитационном центре с прооперированным правым коленом. Ей было немногим больше пятидесяти, но доктора сомневались, что она снова сможет ходить. Но даже если бы она выздоровела, ходить ей было некуда. Отец ее жил в доме престарелых, а их дом был продан. Ивонна попросила новых хозяев: «Не копайте землю в этом углу двора, там похоронена моя Тоби».

– Тоби все еще там, – сказала она мне. – Во всяком случае, ее тело.

Рядом на тумбочке лежала Библия, над кроватью был прикреплен к стене лист с цитатой из Библии. Отец Ивонны, худой и хрупкий старик, сидел в ее комнате в кресле на колесиках, но он уже утратил зрение и слух. Она познакомила нас, а потом показала мне маленькую статуэтку сиамской кошки, стоявшую на подносе рядом с ее кроватью. Статуэтку в память о Тоби подарила ей тетушка Мардж. Нет, она не может дать мне снимок Тоби, у нее его нет. Ее сестра поместила все ее имущество на хранение, и у нее нет ключа. Если мне нужна фотография, сказала она, то есть фотография, сделанная в библиотеке двадцать лет назад, где она вместе с Дьюи. У кого-нибудь должен был остаться этот снимок.

Когда я спросила ее о Дьюи, она улыбнулась. А потом рассказала об играх с ним в женском туалете, о вечеринке в честь дня его рождения и о том дне, когда он спал у нее на коленях. Затем опустила взгляд и грустно покачала головой.

– Я несколько раз приходила к библиотеке, чтобы навестить его могилку. Потом заходила внутрь, оглядывалась вокруг. И мне казалось, что все изменилось. Не было Дьюи. Я видела его скульптурное изображение и думала: «Портрет получился очень удачным, в точности Дьюи, но он не передает реального ощущения присутствия Дьюи». И я перестала туда ходить. Я же ходила из-за него, из-за Дьюи, понимаете? Даже если он где-нибудь прятался, я думала, ничего страшного, увижу его в следующий раз. А потом я пришла, а Дьюи уже не было. Я посмотрела на то место, где он любил сидеть, и сказала себе: «Что ж, больше мне здесь делать нечего». Теперь для меня это просто библиотека, здание, где хранятся книги.

Мне хотелось еще о многом расспросить ее, узнать что-то очень важное и полезное относительно кошек и библиотек, о том, как встречаются глубинные потоки одиночества и любви даже в самых тихих и безмятежных городах. Я хотела лучше узнать ее, потому что ее присутствие в ее собственной истории едва чувствуется.

Но Ивонна только улыбнулась. Вспомнила ли она тот момент, когда Дьюи забрался к ней на колени? Или думала о чем-то другом, спрятанном глубоко в ее душе, что понимает только одна она?

– Он был моим мальчиком Дьюи, – только и сказала она. – Большим Дьюи.

Глава 2
Мистер Сэр Боб Киттенс (известный под кличками Ниндзя и Мистер Пампкит Пантс)

«Я только хотела поблагодарить Вас за столь глубокое и правдивое изображение чувств, которые многие из нас испытывают по отношению к любимым кошкам или любым другим животным. Они становятся членами нашей семьи, и мы так же сильно любим их и так же тяжело тоскуем по ним, когда они оставляют нас».

Множество знакомых кошек у меня было за мою жизнь, поэтому я могу с уверенностью заявить, что у любой кошки есть нечто свое, отличающее ее от других. У некоторых кошек мы видим эту особенность в их необыкновенной ласковости; у других – в жизненной стойкости. Третьи покоряют нас удивительным свойством отзываться на наши переживания – эти кошки обладают родственной с нами душой, они наши собратья, верные друзья. А есть кошки положительно сумасшедшие.

Именно таким является Мистер Сэр Боб Киттенс, ранее известный под кличкой Ниндзя, который живет в обычном загородном доме в Мичигане с семьей, состоящей из супругов Джеймса и Барбары Лэджинесс и их дочери-подростка Аманды. Мистер Киттенс не любит всякие нежности. Это очень независимый кот со своим видением мира, поведение которого не всегда понятно даже хозяину. Может быть, поэтому из всего помета, однажды появивше-

гося на свет в «Обществе гуманности долины Гурона», в городе Анн-Арбор, Мичиган, его забрали последним. А скорее всего, из-за таблички на его клетке, где значилось: «Кличка Ниндзя. Неприязненно относится к кошкам и собакам».

Барбара вовсе не полюбила его с первого взгляда. Да, конечно, котенок был великолепен: большие янтарные глаза, ярко-рыжая шерстка и невероятной длины усы! Он казался умным и благовоспитанным котиком, но не проявлял ни малейшей активности. Он не лез к людям, не требовал внимания, как другие котята в этом приюте, а просто лежал один в большой пустой клетке, даже не глядя на проходящих мимо людей.

– Он прекрасно относится к людям, – заметив, что Барбара смотрит на Ниндзю, сказал работник приюта. – Только вот не ладит с другими животными.

Мужу и дочери Барбары котенок очень понравился. Им показалось, что за этими озорными глазами и притворно спокойной позой кроется нечто особенное.

Барбара взяла его на руки и тоже это почувствовала – мощную, едва сдерживаемую энергию. Поэтому она вернула его в клетку и извинилась перед дочерью, сказав, что еще не готова его взять. Всего месяц назад у них умерла любимая кошка. Барбара не сказала дочери, что боится привязаться к другому существу, которое снова умрет у нее на руках.

Но Ниндзя был таким красивым и пушистым, что Джеймс и Аманда настаивали на своем. И каждый раз, когда Барбара против своей воли заходила в приют, ей становилось ясно, что бедного Ниндзя никогда не заберут. Тем более что в этой клетке он производил впечатление преступника, заключенного в тюрьму. Да еще эта табличка. «Он явно не был ласковым котенком, который урчит, как товарный поезд, – вспоминала она, – но ему тоже нужен был дом, как любому животному. Грустно было сознавать, что его никто не хочет забрать к себе». Барбара всегда сочувствовала бездомным животным, и вот перед ней был котенок, который явно нуждался в доме, где живет дружная семья, но нет других животных, каким и был ее дом. Она не могла его бросить. Верная дочь своей матери, Барбара никогда не проходила мимо обездоленного животного.

– А почему вы назвали его Ниндзя? – спросила она, подписав нужные документы и заплатив приюту.

– Не беспокойтесь, – улыбнулся работавший там доброволец. – Скоро вы сами это поймете.

Родители Барбары развелись в 1976 году, и, хотя ей было всего восемь лет, она уже понимала, что между ними нет согласия. Родители давно не ладили друг с другом, и атмосфера в доме становилась все более напряженной и тягостной, поскольку у каждого были свои интересы. Мать отдавала все силы, внимание и любовь мужу и детям. Отца же тянуло к легкой, приятной жизни, что в его представлении сводилось к выпивке с друзьями, возможности проводить время вне дома без детей, развлекательным поездкам в другие штаты. Вернувшись домой, он выплескивал на домашних свою злость и недовольство жизнью. У Барбары было двое братьев-подростков, которым не нравились ни долгое отсутствие отца, ни его злобные выходки, неизменно заканчивающиеся шумным скандалом. Потом в доме нависало угрюмое отчуждение, все переставали разговаривать друг с другом. Уже в этом раннем возрасте Барбара находила утешение в домашней кошке Саманте. «Вот и хорошо, – подумала она, когда братья сказали, что отец навсегда ушел от них. – Теперь дома будет тихо и спокойно». Невыразимо грустно, когда так думает восьмилетняя девочка!

Но вскоре выяснилось, что без отца стало намного хуже, во всяком случае в финансовом отношении. Еще недавно хорошо обеспеченная семья оказалась на грани нищеты. Отец имел постоянную работу в «Мичиган Белл», местной телефонной компании. Мать до замужества служила в этой же компании телефонным оператором, но ушла с работы, чтобы растить и воспитывать детей. Спустя восемнадцать лет она обнаружила, что женщине средних

лет даже в лучшие времена трудно найти работу с таким маленьким трудовым опытом, как у нее. А в 1976 году в бедных общинах вокруг города Флинт, Мичиган, люди влачили жалкое существование. Рабочих мест едва хватало даже для мужчин, которые раньше работали в «Дженерал моторе», но оказались безработными, когда компания перевела производство за границу. Единственное место, которое удалось найти Эвелин Ламберт, была работа кухарки в доме престарелых. Ее смена начиналась в три часа утра, и ей платили нищенскую зарплату.

Эта работа не считалась приличной для матери семейства. Впрочем, в 1976-м в маленьком городке Фентон, что находится в пригороде Флинта, где жили

Ламберты, любая работа считалась для матери неприличной. Женщины в Фентоне не разводились с мужьями, не ходили на работу, не оставляли своих детей без присмотра. Никто не хотел понимать того, что произошла с Эвелин Ламберт. Ее беда казалась слишком реальной и в каком-то смысле заразной. Кое-кто из соседей открыто жалели Эвелин, чего она не выносила. Остальные избегали с ней общаться. В школе над Барбарой насмехались, казалось, там все знали про ее маму. Ее подружкам запретили приходить к ней играть, потому что в доме не было взрослых, чтобы присмотреть за детьми. Уже через несколько месяцев Барбара поняла, что вместе с потерей денег семья лишилась и прежнего уважения. Униженное положение усугублялось слухами об отце Барбары, который обосновался в Гранд-Бланк, городке неподалеку от Флинта, и тратил свои деньги на женщину, одобрявшую его легкомысленный образ жизни.

И вдруг как-то раз к Ламбертам пришла жившая с ними на одной улице миссис Мерс. Миссис Мерс вместе с другими местными жительницами организовала общество под названием «Прими животное». Существовавшее в те дни местное гуманитарное общество, по сути, было организацией по избавлению от бездомных животных, которая держала у себя животных один-два дня, а затем усыпляла их. Эта организация сотнями убивала животных, и миссис Мерс и ее друзья считали, что для цивилизованного общества такое отношение к животным неприемлемо. «Прими животное» держало у себя животных столько времени, сколько требовалось для того, чтобы подыскать им дом. В наше время нигде в мире нет приютов, где убивали бы животных, но тридцать лет назад во Флинте, Мичиган, такой гуманный подход к животным вызывал насмешки и недоумение. Ведь бездомные кошки и собаки – это просто животные, жизнь которых не имеет особой ценности. Они были живыми игрушками, которые, если они умирали или сбегали из дома, легко можно заменить другими. «Прими животное» восстало против всей общины.

На вопрос миссис Мерс, готова ли Эвелин принимать в свой дом бездомных животных, та ответила живым согласием. Когда я спросила почему, Барбара долго раздумывала, но затем сказала: «Думаю, у мамы была врожденная любовь к животным». Скорее всего, так оно и было. Эвелин Ламберт всегда отличалась странной (по тем временам) заботой обо всем живом. Она не любила гербицидов, поэтому на лужайке перед ее домом всегда было полно сорняков. Она терпеть не могла бесполезных отходов, поэтому использовала старые пищевые контейнеры в качестве горшков для растений. Визитам к доктору она предпочитала лекарственные растения и не пользовалась средствами от насекомых. Она считала священной жизнь каждого существа, даже насекомого.

Но вместе с тем в тот момент она была бесконечно одинока, угнетена тяжелой беспросветной работой, уязвлена уходом мужа и отношением окружающих. И ей отчаянно хотелось утвердиться, взяв на себя серьезное дело, хотя его никогда не одобрил бы ни бывший муж, ни ограниченные соседи. То, что началось с услуги, оказанной обществу «Прими животное», буквально за одну ночь стало для нее делом жизни. И почти так же стремительно смутная идея помощи животным реализовалась в виде десяти кошек разного пола, возраста, цвета и состояния здоровья, поселившихся в маленьком загородном домике.

Времена были нелегкие. Денег постоянно не хватало. Мать Барбары разводила молоко водой, чтобы растянуть его на несколько дней, и каждое воскресенье составляла список продуктов для детей. Самым роскошным угощением была банка содовой, которую делили между собой Барбара и ее брат Скотт, ожесточенно споря из-за того, кто выпил больше своей доли.

Порой к пятнице еды почти совсем не оставалось, тогда как отец Барбары жил совсем рядом, с другой женщиной, обедал в дорогих ресторанах и позволял себе увеселительные поездки в другие штаты.

Поскольку мать целыми днями пропадала на работе, Барбара, движимая страхом и любовью, сочла своей обязанностью заниматься домом. Дело в том, что через несколько недель после развода родителей соседи пригласили ее в туристическую поездку. Но как только домик на колесах достиг конца квартала, Барбара расплакалась и стала проситься домой: она смертельно испугалась, что за время ее отсутствия мама тоже уйдет, как это сделал отец. И маленькая девочка претворила свой страх оказаться покинутой в неустанную деятельность. Она кормила и поила кошек, убирала их поддоны для туалета, убиралась в комнатах, готовила еду в микроволновой печи и мыла посуду после обеда со Скоттом. Прежде чем лечь спать, она проверяла, все ли в доме в порядке, чтобы маме не приходилось снова трудиться, когда она ночью вернется с работы. Если шел снег, девятилетняя Барбара надевала куртку и расчищала дорожку, чтобы мама могла въехать прямо в гараж. Она старалась по-своему поддержать их совместную жизнь, работая так же усердно, как и ее мама.

О подарках они и не мечтали, даже на Рождество. В первый год после ухода отца они поехали покупать елку только в сочельник, когда цена на них опустилась до минимума. По дороге домой Барбара и пятнадцатилетний Скотт (старшему брату Марку было восемнадцать, и он редко бывал дома), которые сидели на заднем сиденье, подрались. Когда они свернули на подъездную дорожку к дому, мама замахала рукой, чтобы они прекратили возню.

– Тише! – крикнула она.

Они продолжали толкаться.

– Я кому говорю! Тихо!

Дети испуганно затихли и вместе с матерью стали смотреть на дом с темными окнами. Сначала они слышали только завывание ветра и шуршание снега по стеклу. Затем послышалось тоненькое мяуканье. Эвелин выскочила из машины и зашагала по глубокому снегу. Ее слава «леди, помешанной на кошках» уже разнеслась по всему Фентону, и если кто-то хотел избавиться от кошки, то подкидывал ее во двор Ламбертам. В течение нескольких следующих лет, сворачивая на подъездную дорожку, семья множество раз обнаруживали подкидыша, грустно смотрящего на их автомобиль. Если он оказывался собакой, они отвозили его в офис общества «Прими животное». Если кошкой, то забирали себе… просто потому, что это было делом Ламбертов – помогать попавшим в беду кошкам.

В конце концов Скотт нашел кошку. Люди наверняка хотели подбросить котенка к дому «кошачьей» леди, но, видимо, ошиблись адресом, потому что мокрый и дрожащий малыш оказался в сугробе на другой стороне улицы. Барбара живо помнит своего брата в теплых наушниках со счастливой улыбкой на лице, который приближается к ней по подъездной дорожке, а свет из гаража падает на искрящийся снег и на крошечного дрожащего котенка, чья черная мордочка высовывается у него из-за пазухи.

Она вынула котенка, прижала его к щеке и сказала: «Он пахнет как «Гамбургер Хелпер».

И радостно улыбнулась. В то Рождества она не ждала подарка, и вдруг он чудом появился.

Она назвала котенка Смоки. Из обитавших в доме Ламбертов кошек некоторых забирали быстро, а другим приходилось ждать этого месяцами. Со Смоки получилось иначе. Как

только Барбара взяла его на руки, он обнял ее за шею лапками и уткнулся ей в щеку своей холодной мордочкой. Барбара сразу почувствовала, что этот малыш станет ее котенком. Мать Барбары с усмешкой называла его Черный Спагетти, потому что при ней он был как вареная лапша. Смоки так полюбил свою маленькую хозяйку, что позволял ей вытворять с ним что угодно. Она надевала на него кукольные платья, катала его в детской коляске, укачивала, как новорожденного, уложив себе на сгиб локтя вверх животиком. Как любая девочка, она обожала наряжаться в разные платья и укладывала Смоки себе на плечи, где он изображал пышный меховой воротник. В ее руках он делался мягким и послушным. Тогда как другие кошки спали на первом этаже или в подвале, Смоки каждый вечер сворачивался клубочком рядом с Барбарой у нее на кровати.

Других кошек она тоже любила. Они помогали ей скрасить дневное одиночество, когда мама была на работе, а подруги пренебрегали ее обществом. Но ее самым близким и верным другом стал Смоки. С ним она делилась своими проблемами, не желая обременять ими маму, у которой и без нее их хватало. Они усаживались рядышком в ее комнате с закрытой дверью, и девочка шептала ему: «Сегодня мне очень-очень грустно» или «Мне страшно и одиноко. Я не знаю, что будет дальше». Если мать ругала Барбару за то, что, моя посуду, она забрызгала пол водой, Смоки понимал, что она не виновата, она еще маленькая и очень старается. Когда она возвращалась домой после очередного тягостного визита к отцу, к которому уже не испытывала дочерней любви, Смоки прижимался к ней и успокаивал громким мурлыканьем. Он позволял ей гладить себя по головке и играть со своими лапками. Ничто так не развлекало Барбару, как эта незатейливая игра: слегка ударив его по подушечке на лапке, она с восторгом наблюдала, как он выпускает и втягивает когти, выпускает и втягивает. И только смотрит на нее, сонно помаргивая, как это свойственно кошкам, и громко урчит, никогда не капризничая и не жалуясь.

Барбаре было десять лет, когда отец ошеломил ее новостью. К этому моменту он завел себе новую подружку, с которой роскошно жил в фешенебельном пригороде Детройта: модная одежда, превосходные вина, увлекательный отпуск. Однажды в выходной день он повел Барбару и Скотта в кино, чего мать не могла себе позволить. Когда они уселись на свои места, он повернулся к Барбаре и сказал:

– А я женился.

– Не может быть!

– Да, Барбара, женился, в прошлом месяце.

Барбара сидела в темном зале и плакала. Она сама

не знала, чего ожидала и почему так расстроилась. Ее отец женился на другой женщине. Все кончено! Это уже произошло. Она не понимала, почему это так ее взволновало. Ведь она давно знала, что папа никогда к ним не вернется.

Она не рассказала об этом Смоки, просто прижимала его к себе и плакала. А он ласково тыкался ей в плечо мордочкой и мурлыкал.

Для ее матери это известие тоже стало ударом. Тяжело было сознавать, что ее муж ведет роскошный образ жизни и при этом совсем не заботится о детях (по словам Барбары, он крайне редко покупал им вещи, которые не могла приобрести мать); тяжело было сознавать, что он нашел свое счастье с другой женщиной. В конце 1970-х во всей стране ощущалось резкое падение экономики; Флинт, Мичиган, испытал на себе все тяготы спада. Производство сокращалось, горели брошенные дома, уровень безработицы достигал 20 процентов и выше. Когда «Дженерал моторе» закрыл сборочные цеха, это стало настоящей катастрофой, и рабочие часто устраивали забастовки. Однажды, когда вся семья уехала за покупками в «Куртленд Молл», кто-то украл у них запасные шины. Одно это показывает, насколько отчаянной и безнадежной была ситуация во Флинте. И в это тяжелое время мать Барбары училась в местном колледже, чтобы получить профессию повара, при этом продолжая работать

полную смену и заботиться о детях. Она хотела стать поваром, а не просто кухаркой, но ее мечтам добиться повышения помешали частые увольнения, острая конкуренция даже за менее престижную работу, а также закрытие одного за другим домов престарелых.

Мать Барбары не испытывала сочувствия к рабочим автозавода. Она не одобряла управляющих «Дженерал моторе», которые срочно перенесли работы в Мексику, но и рабочие не вызывали у нее горячего сочувствия. Она получала всего 3,35 доллара в час за каторжную работу, начинавшуюся до рассвета, без выходных дней. Служащие «Дженерал моторе» получали в пять раз больше плюс медицинскую страховку и пенсию. В городе ходили слухи о рабочих, которые к началу смены появлялись на работе, потом отправлялись на охоту и возвращались на завод только к концу смены, чтобы им зачислялся для оплаты полный рабочий день. Люди говорили, что инспекторы нередко находили в не до конца собранных автобусах и грузовиках пустые бутылки из-под водки. Каждый раз, когда рабочие автозаводов выходили на забастовку, половина жителей поддерживали их криками. Но вторая половина населения, куда входили и бессердечные управляющие, но в основном состоявшая из безработных или тех, кто получал за свою работу жалкие гроши, испытывали такие же чувства, что и Эвелин Ламберт, которая частенько говорила: «На что им жаловаться?!».

– Я сразу же согласилась бы занять их место, – с горечью говорила она о рабочих автозаводов. – Я бы рада получать такую зарплату, хотя бы даже половину.

Но работу в Шопе, как называли автомобильные заводы, можно было получить только через знакомых, которых не было у Эвелин Ламберт. Поэтому она продолжала работать целыми днями за 3,35 доллара в час в заводских кухнях Флинта. Рабочий день тянулся долго, к тому же Эвелин хваталась за любую работу, так что порой Барбара целую неделю не видела мать. Когда Барбара приходила из школы, она была на работе и возвращалась домой с последней смены лишь утром следующего дня, когда Барбара уже сидела на первом уроке. Если матери выпадал свободный от работы день, она надолго уходила из дома – как казалось тогда Барбаре, чтобы хоть на время избавиться от забот. Но, оглядываясь назад, она вспоминала, что мать всегда возвращалась с охапкой дров или с сумкой, набитой банками с содовой водой. Дрова предназначались для обогрева дома зимой, а содовую она покупала всего по 10 центов в центре по переработке отходов, куда сдавала пустые жестянки. Экономя деньги на покупке содовой и старательно высчитывая срок отрезания купона для предъявления его в банк[6], мать Барбары ухитрялась удерживать на плаву свое маленькое домашнее хозяйство. Она часто уходила на работу голодной, но остальные всегда имели еду.

В том числе и кошки, которых обычно насчитывалось двенадцать душ. Содержание такого количества кошек стоило очень дорого, особенно когда вы вынуждены считать каждый цент, но мать Барбары никогда не ограничивала их в потребностях и отдавала их только тем, кто принимал их в законном порядке. Только очень недалекий человек не понял бы, что эти кошки придавали жизни Эвелин Ламберт цель и смысл. Это видела даже двенадцатилетняя Барбара. Но, кроме того, девочка видела, что ее мать любит кошек. Она понимала и любила каждую из них, и эта любовь согревала ей сердце. Одно из любимых воспоминаний Барбары таково. В редкие минуты отдыха мама сидит в любимом кресле с большим красивым Гарри на коленях. Гарри непрерывно мурлычет, причем так громко, что все называли его Мистер Счастливчик, – казалось, своим мурлыканьем он выражал постоянно бурлящую в нем радость.

Гарри был любимцем матери Барбары – большой, как медведь, симпатичный кот, обожавший расположиться у нее на коленях, как только она присаживалась отдохнуть. Учитывая его ласковый нрав и эффектную внешность, все не сомневались, что его быстро приютят.

---

[6] Собственники капитала, вложенного в ценные бумаги, дважды в год отрезали от листа купоны («стригли купоны»), срок которых приблизился, и относили их в банк, чтобы получить проценты в виде наличных денег.

Так оно и произошло. Но через две недели новые владельцы принесли его обратно. В таких случаях называют самые разные причины: он дерет когтями мой диван, он царапает моих детей, от его туалета плохо пахнет или даже – он оказался не таким, как я думала. Какова же была причина возврата Гарри? Барбара не могла сказать, только помнит, что Большой Гарри снова оказался у них.

В этот период, в течение одного-двух лет с начала заботы о бездомных кошках, Эвелин позволяла им расхаживать по дому и бродить по двору. Но однажды кошка Рози сожрала яд для крыс, которую разбросал у себя во дворе один из соседей. Мать Барбары бросилась с ней к ветеринару, но было уже поздно, и бедняжку пришлось усыпить. Спустя несколько недель Гарри выбежал на проезжую дорогу и был сбит фургоном. Это заставило Эвелин Ламберт изменить свои взгляды на содержание кошек – с тех пор кошек не выпускали на улицу. После несчастного случая с Гарри она стала горячо отстаивать идею содержания кошек в закрытом доме. Сейчас этой идеи придерживаются все спасательные службы, но в 1978 году она опередила свое время.

К счастью, Гарри выжил. Сосед увидел его лежащим на обочине и позвонил «кошачьей» леди. Эвелин прибежала с одеялом, как можно более осторожно переложила на него несчастного кота и помчалась в ветеринарную клинику. Бедного Гарри сначала подбросило в воздух, после чего он упал прямо на фургон, раздробив себе бедро. Но единственным последствием было то, что всю оставшуюся жизнь он передвигался вперед боком. Усевшись в кресло с Гарри на коленях, Эвелин частенько задремывала от усталости. Лапа Гарри неловко торчала в сторону, но его знаменитое басовитое урчание по-прежнему раздавалось на всю комнату.

У брата Барбары Скотта тоже была любимица по имени Грейси – маленькая изящная кошечка, в два раза меньше Счастливчика Гарри. Прежний хозяин отказался от нее, потому что она страдала недержанием, отчего не всегда успевала добежать до туалета. У нее была лейкемия, но тогда такого диагноза не существовало, ветеринары считали, что у нее какие-то проблемы с пищеварительным трактом. Котенок с такой проблемой серьезно осложнял ситуацию в доме, полном кошек, но Скотт и Барбара готовы были на все ради своей мамы. Конечно, они любили кошек, но эта любовь усиливалась гордостью и восхищением матерью. Материнское сочувствие к животным, ее готовность пожертвовать собой ради их спасения сопровождали все их детство. Весь их жизненный опыт состоял в этих двух понятиях: сочувствие и жертвенность; все, что они делали для любимой мамы, определялось этими понятиями. Присутствовала ли здесь жалость? Возможно. Барбара всегда защищала свою мать. Когда кто-нибудь называл ее ненормальной, она возражала: «Ну, а кто же еще поможет этим несчастным кошкам? Кто, я вас спрашиваю?»

Не один раз Барбара думала: «Если бы не все эти кошки, я могла бы больше помогать маме». Она следила за сроком предоставления в банк купонов, за обедом отказывалась от второго блюда, делая вид, что наелась. В тринадцать лет она стала работать в ветеринарной клинике на добровольных началах. Ламберты не имели возможности оплачивать регулярный медицинский уход за кошками, но теперь в случае необходимости Барбара могла прибегнуть к экстренной медицинской помощи.

Поскольку Эвелин Ламберт не могла отвергнуть Грейси – это противоречило ее взглядам, – ее взял себе Скотт. Он оклеил стены кладовки газетами, застелил ими пол, перенес туда поддон для туалета, миску для кошачьей еды, несколько игрушек и поставил стул. Он подолгу сидел с Грейси в этой кладовке, даже делал там уроки. Когда с Грейси случалась неприятность, он выбрасывал испачканные газеты и стелил новые. Он не считал это неприятной работой, никто не заставляя его заниматься этим. Просто он любил эту маленькую кошечку.

Но Грейси была тяжело больна, и поскольку не получала никакого лечения (или хотя бы точного диагноза), то прожила совсем мало. Она умерла в феврале, когда стояли морозы. Но Скотт все равно решил ее похоронить. Утром он вышел во двор и, несмотря на холод и ветер, начал рыть могилку. Но земля была будто каменная. Он чертыхался, плакал и колотил по земле, пока у него не онемели лицо и руки. В полном отчаянии он занес лопату над головой, с размаху вонзил ее в маленькую трещину, которую ему удалось выдолбить в мерзлой земле… и перерубил телевизионную антенну.

В этот момент в доме зазвенел телефон. Звонили из общества «Прими животное». Кто-то выбросил котенка в мусорный контейнер за пиццерией. Сейчас малышка находилась в хирургическом отделении ветеринарной клиники, потому что за ночь отморозила себе кончики ушей и половину хвостика. Несмотря на ампутацию, врачи считали, что она выживет. Операция была оплачена, но клиника не располагала ни средствами, ни местом, чтобы принять больную после того, как она придет в себя после анестезии. Мать Барбары не колебалась ни минуты: «Мы заберем ее, сейчас приедем».

Эту кошку тоже никто не принял к себе в дом. Ее назвали Эмбер, и она прожила у матери Барбары девятнадцать лет. У нее были короткие лапки и длинное туловище, маленькие чашечки вместо ушей и крошечный обрубок вместо хвостика, но все, кто знал Эмбер, обожали ее. Несмотря на жестокое равнодушие, с которым ее выбросили в мусорный контейнер, она относилась к людям с доброжелательной приветливостью, любила пристроиться кому-нибудь на колени и мурлыкать. Она была очень милой и привязчивой, но вместе с тем и строгой. Она никому ничего не спускала, как взыскательная директриса школы. Единственная кошка, которая жила в доме постоянно, она была королевой, и остальные кошки это чувствовали. Как вспоминает Барбара, у них постоянно находилось примерно двенадцать кошек. Эмбер первой ела, первой пила и вообще все делала первой. Она была хозяйкой и из уважения к матери Барбары следила за поведением своих подчиненных. Под домом находился подвал, куда кошек периодически отправляли, чтобы произвести в доме тщательную уборку. Эмбер загоняла туда всех кошек и не позволяла им ссориться. Затем время от времени посылала одного за другим мальчиков наверх на лестницу, помяукать под дверью. Когда к двери подходила сама Эмбер, это означало, что время для уборки вышло. Королеву слушалась даже Эвелин Ламберт.

Итак, у Эвелин был Гарри, у Скотта Грейси, у всех них Эмбер, а у Барбары, конечно, был Смоки. В то время как Эвелин ходила на работу, собирала жестянки из-под содовой и пива или находилась дома и без сил лежала в кресле, Смоки постоянно был рядом с Барбарой.

В конце концов они стали дружной семьей: стойкая мать, двое трудолюбивых детей, три постоянно живущие с ними кошки – Смоки, Гарри и Эмбер, – принимавшей непрерывный поток посетителей, которые побуждали членов семьи еще крепче держаться друг друга. И хотя эта семья была не совсем обычной, в ней царила любовь, что не всегда скажешь о традиционных семьях. Правда, возникали и сложности, особенно когда дети подросли. К последнему году учебы в школе Барбаре надоели вечные жалобы матери на работу и ее обыкновение считать свое мнение или поступки единственно правильными. (Позднее ее мать честно говорила, что не хотела признавать свои ошибки, опасаясь, что этим подорвет свой авторитет в глазах дочери.) Девочка устала от постоянной борьбы с бедностью. Она не понимала, почему мама не найдет себе работу получше, почему они должны так отличаться от окружающих, почему она должна ходить в поношенных джинсах и жить с помешанной на кошках мамой.

Окончив школу, она перебралась в общежитие колледжа во Флинте и целый месяц не виделась с мамой. Но вскоре Барбара поняла, какой жестокой может быть жизнь и как трудно учиться, если ты измучен постоянной борьбой за выживание. Ее часто одолевала тоска по

родному дому и прежней жизни: Смоки на руках, непрестанное мурлыканье Гарри и нежное мяуканье Эмбер. «Нормальная» жизнь без ограничений, которые накладывали кошки и бедность, оказалась слишком… обыкновенной и скучной. Ей недоставало общества ее кошек. Но еще больше она беспокоилась о матери, которой была многим обязана. Отец ни разу не дал Барбаре почувствовать, что он ее любит. Из родителей у нее осталась одна мама, и девочка ощущала ее любовь каждый день, каждую минуту.

При ней мама потеряла Гарри, затем Эмбер. На ее глазах дело помощи бездомным животным заслужило такое уважение и популярность, что общество «Прими животное» перестало нуждаться в услугах Эвелин. Барбара вернулась в свою милую комнатку и заметила, что у Смоки, такого же ласкового и милого, поседела шерсть на мордочке. Он любил ее так же горячо, как и прежде, но постарел и стал уставать, как уставала всегда Эвелин Ламберт. Прижимая к себе Смоки и вспоминая прежнюю жизнь, Барбара почувствовала, как у нее на глазах выступили слезы. К этому моменту она уже пересмотрела свое негативное отношение к детским годам и к эксцентричной матери; старые джинсы и отчужденное положение в общине родного города стали восприниматься ею как важные уроки стойкости и любви. Даже в самые тяжелые моменты своей жизни она не переставала с любовью относиться к кошкам. Лелеяла Смоки до конца его жизни и похоронила его под старой яблоней на заднем дворе, как и всех других кошек, нашедших любовь и заботу только в доме Ламбертов.

Но хотя «кошачий» дом приобрел для Барбары новую притягательность, ее матери жизнь не давала спуску. В день окончания Барбарой школы Эвелин потеряла свою вторую работу. Спустя одиннадцать лет Барбара вышла замуж и переехала в Анн-Арбор, а ее мать продолжала работать кухаркой в доме престарелых во Флинте. Машина ее сломалась, денег на починку не было, и ей приходилось каждый день ходить пешком туда и обратно. В конце недели она ездила на автобусе во Флинт за продуктами. Каждый день после развода с мужем по-прежнему проходил в борьбе за выживание.

В возрасте шестидесяти пяти лет Эвелин ушла на пенсию, и Барбара перевезла мать в маленькую квартирку в нескольких кварталах от своего дома в Анн-Арбор. Гарри, Эмбер и Смоки уже не было на свете, от всего кошачьего племени, обитавшего в старом доме Ламбертов в Фентоне, осталась одна Бонкерс, пожилая кошка, несколько лет назад брошенная соседом. У нее была пышная черная шерстка с белоснежной манишкой и спокойный нрав. Обычно она предпочитала лежать на солнышке или у кого-нибудь на коленях. Она ничего не царапала и не портила, за исключением, пожалуй, стен, которые почему-то атаковала, яростно бодая их головой. Поэтому ее и назвали Бонкерс[7]. Такая вот была очаровательная и безвредная чудачка.

К сожалению, в доме, где поселилась Эвелин, не разрешалось держать животных, и Барбаре с мужем Джеймсом пришлось забрать Бонкерс к себе. Так Эвелин Ламберт впервые в жизни оказалась в полном одиночестве. Она почти каждый день приходила в их семейный дом, но не столько для того, чтобы увидеть дочь, сколько побыть с Бонкерс. Барбара это знала и не обижалась на мать. Та сидела на крыльце или в кресле, поглаживая Бонкерс и опустив голову, словно вспоминая прошлое. Иногда она говорила дочери: «Знаешь, милая, ведь я больна», но Барбара считала, что она страдает депрессией. Эвелин тосковала по своему дому, где провела самые трудные годы своей жизни, тосковала по садику, где были похоронены любимые кошки. Оглядываясь на свою жизнь, что она могла вспомнить, кроме непрерывного тяжелого труда, горечи и разочарования? Что ждет ее в будущем? Эвелин Ламберт покинула дом, навечно связанный в ее памяти с любовью и отчаянной борьбой с бедностью, и оказалась в чужом для нее городе, в одинокой квартире, где даже не могла держать при себе любимую кошку.

[7] Бонкерс – сумасшедшая.

– Мне плохо здесь, ты не понимаешь, – говорила она дочери.

Но Барбара надеялась, что со временем мать привыкнет. Гарри, Эмбер, Грейси, Смоки… Она всегда находила способ преодолеть все трудности, всегда находила новую цель в жизни. Но однажды утром мать позвонила и сказала:

– Я больше не могу это выносить. У меня в квартире сидит смерть.

Барбара тут же примчалась к маме. Та мучилась сильными болями, не спала всю ночь.

– Почему ты не позвонила мне? – в отчаянии спрашивала Барбара, везя ее в больницу. – Почему ты прямо ночью мне не позвонила?

– Я не хотела тебя будить.

У Эвелин оказался застарелый рак молочной железы, уже давший метастазы в позвоночник и ноги. Врачи ничего не могли сделать, кроме облегчения болей, которые, как поняла Барбара, мать втайне терпела несколько лет. Выдав лекарства, доктора отправили Эвелин домой, но болезнь зашла слишком далеко, причиняя ей невыносимые страдания, так что уже через месяц она снова оказалась в больнице.

– Как Бонкерс? – задыхаясь, спросила она у Барбары. Она была так слаба, что едва говорила.

Барбара бережно отвела с ее лба прядку седых волос.

– С ней все хорошо, не волнуйся, – солгала она, с трудом удерживая слезы.

На самом деле Бонкерс пропала, и накануне вечером Барбара искала ее несколько часов, но так и не нашла.

Мать кивнула, слабо улыбнулась и закрыла глаза.

– Бонкерс… – еле донесся до слуха Барбары ее шепот.

На следующий день она уже не приходила в сознание и утратила способность самостоятельно дышать, поэтому ее подключили к аппарату искусственного дыхания.

Эвелин неоднократно говорила дочери, что не хочет, чтобы ей продлевали жизнь при помощи какой-либо аппаратуры. Но она не оставила «заблаговременного распоряжения»[8], не подписала нужных документов. После ожесточенного спора Барбаре, истерзанной горячим состраданием к матери и сознанием совершаемого ею рокового шага, удалось убедить докторов отключить аппарат. Инъекции морфия избавляли мать от болей, но не могли продлить ей жизнь. Ей оставались считаные дни.

В ту ночь Барбаре приснился сон. Она увидела маму рядом с Бонкерс на далеком расстоянии от себя, в каком-то непонятном, не поддающемся описанию месте. Мама помахала ей рукой и произнесла: «Все хорошо, не волнуйся, все хорошо!»

Утром Барбара вышла на крыльцо за газетой и случайно взглянула на подъездную дорожку соседнего дома. И там, в густой тени под сломанным пикапом, увидела неподвижно лежавшую Бонкерс. Барбара только теперь поняла, что Бонкерс ушла из дома умирать и что она мирно почила во сне. Не отрывая от нее взгляда, Барбара застыла на крыльце, затем разразилась отчаянными рыданиями, машинально продолжая держать чашку с дымящимся кофе…

Потом она позвала Джеймса, и они похоронили Бонкерс на заднем дворе, под кустом сирени, который Эвелин помогла вернуть к жизни при помощи естественных удобрений и яичной скорлупы.

На следующий день Эвелин Ламберт скончалась. Ей было всего шестьдесят шесть лет.

[8] Завещание, указывающее, какое медицинское обслуживание его составитель хотел бы (или не хотел бы) получать в случае серьезной болезни или недееспособности.

Барбаре Лэджинесс нелегко говорить о матери. Даже спустя восемь лет, имея любящего и любимого мужа, замечательную дочку и шумного друга Ниндзя, теперь носящего важное имя Мистер Сэр Боб Киттенс, она то и дело прерывается, чтобы вытереть слезы.

– Я ею восхищаюсь, – говорит она. – Маму во многом можно было бы упрекнуть, но то, что она больше беспокоилась о кошках, чем о себе… это воистину достойно восхищения! Что бы ни говорили о ней, о ее пристрастии к кошкам, важно то, что она любила всех и каждого чрезмерно, до полного самозабвения.

– Вы думаете, она слишком сильно их любила?

– Да, иногда мне так кажется. Но, понимаете, на самом деле невозможно любить слишком сильно. Она действительно любила все живое, что не может подать за себя голос. Когда я была маленькой, в нашем городе решили распылять какую-то отраву против москитов. И по всему городу стали разъезжать грузовики с оранжевыми фарами на крыше и распылять эту жидкость. И вскоре мать как-то спросила меня: «Ты слышишь?» Я прислушалась и сказала: «Нет, я ничего не слышу». И она ответила: «Эта отрава убила не только москитов, но и всех насекомых. Вот потому ты и не слышишь пения птиц!»

Помолчав, чтобы собраться с силами, Барбара добавила:

– Видите, какой умницей была моя мама?

После смерти мамы и Бонкерс она два года не могла

заставить себя принять в дом новую кошку – ее приводила в ужас одна мысль, что придется перенести смерть еще одного любимого существа. У нее была крепкая семья, чудесная дочка, постоянная работа и прекрасный дом – все то, что начинаешь по-настоящему ценить только тогда, когда потеряешь. Они держали рыбок, несколько хомячков и черепаху, но Барбара не решалась снова завести кошку, боясь привязаться к ней всем сердцем. Однако девятилетняя Аманда очень просила кошку, и мать не смогла ей отказать.

И вот они взяли кота по имени Макс. Это было очаровательное и очень ласковое существо с забавным обыкновением спать на холодильнике, свесив хвост. Но через два года, когда ему было всего четыре, с ним случилась беда. Он шел по кухне, как вдруг внезапно рухнул на пол и забился в конвульсиях. Барбару охватила настоящая паника: Макс, такой молодой и здоровый кот, умирал у нее на глазах! Произошло то, чего она так боялась. Пока Джеймс, как безумный, названивал по телефону, Барбара держала на руках несчастного Макса, который извивался от судорог. Сердце его бешено колотилось, веки дергались, глаза подернулись пленкой. Не соображая, что делает, Барбара позвала дочь.

Аманда прибежала и, увидев, что Макс весь извивается в конвульсиях, а изо рта у него идет кровь, отчаянно зарыдала. Для одиннадцатилетней девочки зрелище было слишком тягостным, но, когда через час Барбара с Джеймсом вернулись домой и сказали, что Макс умер, Аманда бросилась маме на грудь.

– Спасибо, мама! Я успела попрощаться с Максом, когда он еще был живой.

Она была сильной девочкой, поняла Барбара, впервые увидев в уравновешенной дочери испуганную девочку, которой когда-то была сама, девочку, которая так долго и стоически сражалась с бедностью в семье без отца.

В течение месяца они трижды приходили в приют посмотреть на Ниндзя, прежде чем Барбара решила забрать его домой. Она не была к этому готова, но дочь и особенно муж чувствовали себя потерянными без пушистого друга. «Может быть, – думала она, – я смогу просто жить с ним в одном доме. Ради Аманды и Джеймса. Может, я смогу относиться к Ниндзя, как другие относятся к своей кошке: просто как к животному, живущему с ними в одном месте».

Между тем Джеймс буквально без памяти влюбился в Ниндзя. Утром он приносил его в кухню на руках, как грудного ребенка. Спрашивал, не хочет ли она его погладить, на что

она отвечала: «Нет, пока не хочу. Он мне нравится, но между нами нет привязанности». И она из раза в раз отстраняла от себя Ниндзя.

В трехмесячном возрасте Ниндзя подхватил какой-то вирус, и Барбара помчалась с ним к ветеринару. Стоя в кабинете врача и глядя, как он осматривает котенка, она вдруг разрыдалась – так же отчаянно, как в далеком детстве, когда ее увозили в туристическую поездку, а она испугалась, что за это время мама уйдет из дома.

– Я только что потеряла кошку, – сквозь слезы объясняла она. – Я не могу потерять и этого котенка, просто не могу. Вы должны ему помочь.

Ветеринар обнял ее за плечи.

– Не волнуйтесь, он просто простудился.

Барбара поняла, почему котенка назвали Ниндзя,

на второй или третий день, когда, открыв дверь в холл, увидела его припавшим к полу в дальнем углу. Страшно испугавшись, котенок вскочил на задние лапы, а передние выбросил вперед, как потерявший равновесие зомби. Он постоял несколько секунд, следя за Барбарой. Затем боком поскакал к ней, отчаянно размахивая перед собой передними лапами, как какой-нибудь обезумевший каратист. Так он проскакал по всему холлу, склонив шею набок, и ни разу не коснулся пола передними лапками. Ничего более странного Барбара в жизни не видела! И это не было случайной выходкой. Как вскоре увидела Барбара, Ниндзя исполнял свой дикий танец-карате в состоянии испуга, недовольства или возбуждения. Особенно остро он реагировал на подростковые проблемы Аманды. Стоило Барбаре услышать восклицание дочери: «Господи, Ниндзя!», она уже знала, что кот надвигается на нее, как безумный, колотя по воздуху передними лапками.

Однако драчливым или забиякой Ниндзю никак нельзя было назвать: он никогда не царапался, не кусался. Просто у него были свои странности. А вообще он отличался ленивой грацией и очень важной осанкой. И когда Барбара наконец признала глубину их взаимной привязанности, то сочла, что кличка Ниндзя не совсем соответствует его облику. К тому же это была приютская кличка.

И Барбара стала подумывать о том, чтобы дать ему новое, домашнее имя. Как-то вечером они с Амандой смотрели передачу о рысях и подметили поразительное сходство мордочки Ниндзя с рысьей.

– Только он должен быть не рысью, – возразила Аманда, – а рысенком!

Боб Киттен[9]. Хорошо, но не передает присущей котенку величавой важности. Поэтому Барбара назвала его Сэр Боб Киттенс. В очередной визит к ветеринару она сообщила, что котенка теперь зовут не Ниндзя, а Мистер Сэр Боб Киттенс, и тот торжественно внес новую кличку в регистрационный бланк.

Но, разумеется, одного имени для такого кота, как Мистер Сэр Боб Киттенс, было недостаточно, даже если оно состояло из четырех слов. Вскоре он стал еще и Мистер Пампкин Пантс[10] – ведь он был ярко-рыжим котенком с пышными штанишками на задних лапках. По той же причине он получил прозвище Мистер Спаркл[11] Пантс. Со временем Джеймс стал величать его Флафелишес (думаю, это составное слово из флаффи и делишес[12]). Аманда считала, что ее родители совершенно сошли с ума. Но им было все равно, они обожали мистера Спаркла Пампкина Киттен Пантса!

Их отношения нельзя было назвать идеальными. Как говорит Барбара, у Мистера Киттенса есть характер, он не любитель ласткться к человеку. Он никогда не упускал Барбару

---

[9] От *англ.* Бобкэт – рысь, боб-киттен – детеныш рыси, рысенок.

[10] От *англ.* пампкин – важный; пантс – штаны.

[11] От *англ.* спаркл – шикарный.

[12] От *англ.* флаффи – пушистый; делишес – очаровательный.

из вида, но предпочитал занимать величественную позу в каком-нибудь уютном местечке, будто они по чистой случайности оказались в одном помещении. Он соглашался на ласки, только когда находился в соответствующем расположении духа, что случалось не часто, а потому все особенно ценили эти моменты. В дополнение к его индивидуальным особенностям он, казалось, не испытывал потребности в беседах с людьми – почти никогда не мурлыкал, не урчал, не мяукал. Но если он очень хотел что-то получить, то обращался к Барбаре или Джеймсу. Обычно это происходило, когда он чуял запах любимого лакомства, бекона. Стоило ему уловить этот неотразимый аромат, как он скакал в комнату на задних лапках, возбужденно размахивая перед собой передними. Если бекон оказывался хрустящим, как он любил, он начинал буквально сходить с ума. Однажды Джеймс допустил ошибку, угостив его беконом на обеденном столе. С тех пор он каждый вечер устраивал на столе свой танец, требуя бекона и отказываясь от другой еды.

Но при всем этом он был добрым мальчиком. Правда, когда Барбара поднималась по лестнице из подвала, он хватал ее за ноги, так что она спотыкалась. Видимо, ему нравилось, что она вдруг вскрикивает и едва не падает. И стоило Джеймсу открыть ноутбук и приняться за работу, как он тут же вскакивал на письменный стол и укладывался прямо на клавиатуру и не трогался с места, даже если Джеймс опускал на него крышку ноутбука. Он просто продолжал лежать поперек клавиатуры, свесив с одной стороны свою пушистую физиономию с лукавой ухмылкой и передние лапы, а с другой – задние лапы и хвост. Но мистер Сэр Боб Киттенс был не только веселым клоуном. Каждое утро, когда Аманда собиралась в школу, он обходил ее комнату, тщательно обнюхивая все углы. Он вел себя как старший брат, надменный и неприступный, порой позволяющий себе бестактные шутки, но всегда заботливый по отношению к младшей сестре.

А может, так нравилось думать Барбаре. Может, утреннее обследование было одним из каждодневных ритуалов Мистера Сэра Боба Киттенса, который был приверженцем стабильности и определенного порядка. Каждое утро он будил Барбару ровно в пять утра, чтобы она накормила его завтраком. В будние дни, когда ей нужно было собираться на работу, это ее вполне устраивало, но в выходные! Тем более что в благодарность за ее услугу этот эгоист даже не давал себя погладить! Он предпочитал получить утреннюю порцию поглаживания от Джеймса, который входил в кухню, когда аромат готового кофе уже разносился по всему дому. Он разрешал себя погладить только утром и только Джеймсу – это началось в те первые недели, когда Барбара держала его на расстоянии, опасаясь слишком к нему привязаться.

Да, он умел доставить беспокойство, был диковатым. Но взгляните на это с другой стороны. Его неудержимая страсть к бекону, шалое, хитроватое выражение его глаз, боязнь громких звуков и фольги, его необыкновенные пушистые и пышные штанишки и особенно безумные танцы в стиле карате – ведь все это невероятно интересно! Кто же устоит перед таким котом, как Мистер Киттенс? Несмотря на отвращение к ласкам, он был так же близок Барбаре, как Смоки, Гарри, Эмбер, Макс или любая другая ее любимая кошка. Когда Барбара заболевала, он сидел рядом и не сводил с нее взгляда. Как-то утром она почувствовала слабость, и он сразу подбежал к ней, положил передние лапки ей на колени и озабоченно замяукал. Когда Барбара потеряла сознание на кухне – сначала упала на стол, затем отчаянно вцепилась в стул, но не удержалась и распростерлась на полу, – Мистер Киттенс примчался в ту же секунду, вспрыгнул на нее, заглянул в ее закатившиеся в беспамятстве глаза и замяукал так громко, как только мог.

Причиной обморока оказалась язва желудка, при которой произошло прободение кровеносных сосудов, и Барбара потеряла три пинты крови. Краткий курс лечения и диета решили эту проблему, но во время дополнительных исследований доктора обнаружили более серьезную болезнь – рак молочной железы, ставший причиной смерти ее матери. Благополучная и спокойная жизнь Барбары, которую она с таким трудом выстраивала на фундаменте своего детства, полного разочарований, рухнула в одно мгновение. Она перенесла операцию, затем облучение. Когда доктора порекомендовали продолжить лечение химическими препаратами, для чего требовалось ее согласие, она подумала о последних днях жизни своей матери. Барбаре было сорок два, она не хотела в сорок пять лежать под аппаратом для искусственного дыхания, не хотела, чтобы ее дочь сидела рядом и смотрела, как она умирает.

Барбара предпочла химию и до сих пор принимает лекарства. У нее выпали все волосы, зато она радуется тому, что уже пять месяцев ей не нужно сбривать волосы с ног. И находит свою болезнь отличным предлогом для избавления от ужасной суеты с отпуском. Ее дочь, типичный подросток, говорит ей, что она не очень хорошо выглядит и что ей нужно бы подкраситься, но зачем? Кого это волнует? Ведь каждый день может оказаться ее последним днем, и если ты не можешь ему радоваться, то к чему и жить? Она изредка позволяет себе побаловаться кексом, и при этом не испытывает вины за нарушение диеты, а наслаждается полученным удовольствием. Она дорожит каждым мгновением, даже не очень приятным обыкновением Мистера Киттенса будить ее в пять утра. Она кормит его и ласкает – да, теперь

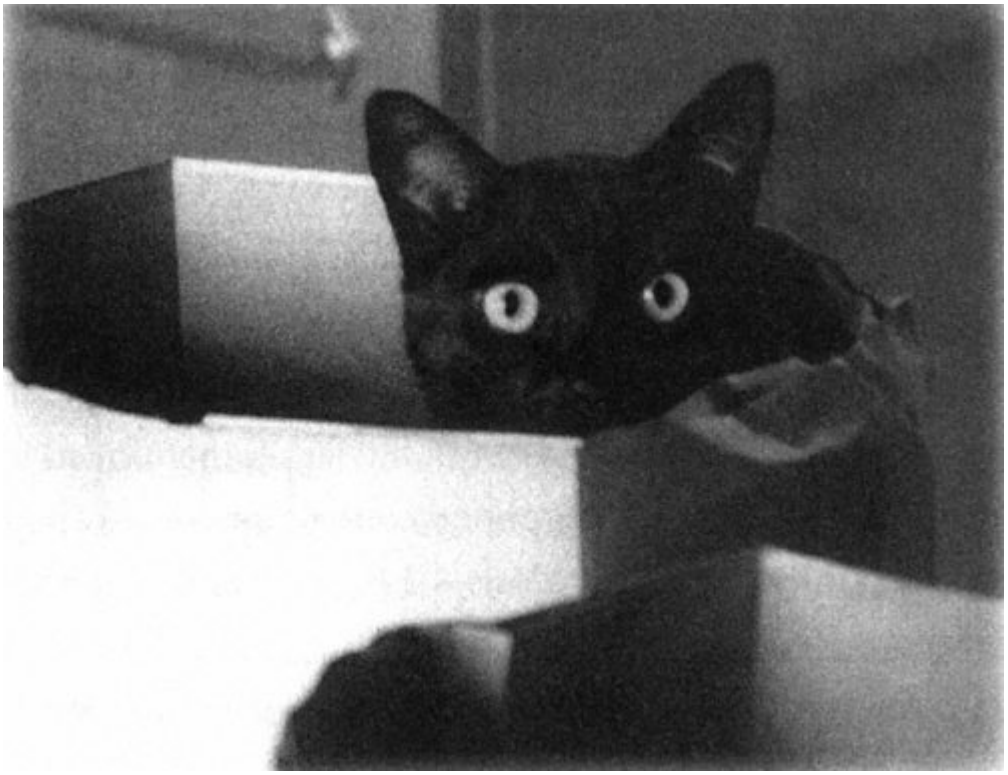
он иногда разрешает ей эту вольность, – потом сидит в кухне, с удовольствием пьет кофе и любуется красавцем Мистером Сэром Бобом Киттенсом.

У нее есть муж, Джеймс. Их брак, и до того крепкий, стал еще надежнее. У нее есть дочь, Аманда, и огромное желание увидеть ее взрослой. У нее есть Мистер Сэр Боб Киттенс – когда она лежала дома, набираясь сил после лечения химией, он стал спать у нее в ногах, а иногда даже ложился рядом. И хотя он не любитель всяких нежностей и сантиментов, но его поступки доказывают, что ее он любит. Так что жизнь прекрасна!

Да и когда она была плохой? И Барбара Лэджинесс по-прежнему с восхищением смотрит, как Мистер Сэр Боб Киттенс встает на задние лапки, размахивая передними, и скачет по холлу в своем диком, потрясающе безумном танце карате.

Ну, скажите, как тут удержаться от смеха?

Глава 3
Спуки



«Мой кот прожил двадцать один год… Он мог погибнуть… но выжил и все эти годы дарил мне радость. Мне до сих пор иногда чудится прикосновение его влажного носика к ноге – так он просил, чтобы его приласкали».

Билл Безансон вырос на ферме отца рядом с маленьким городком Ромео, Мичиган. Даже сегодня в нем всего триста жителей, зато имеется своя газета стоимостью годовой подписки в восемнадцать долларов и центр, который прославился тем, что ни разу не горел, хотя в лесистом округе Мэкомб пожары – частое дело. Тридцать лет прожив в Спенсере, Айова, где в 1931 году сгорел дотла весь центр, я могу подтвердить, что это действительно достижение.

Мне так же понятна изолированная жизнь на ферме, по крайней мере каковой она была в 1950-х и в начале 1960-х, поскольку я тоже родилась и выросла на ферме. В те времена у нас не было ни телевизоров, ни компьютеров для связи с внешним миром. Только радио и любительские радиоприемники. Еще в семье мог быть старый грузовик с установленной в нем портативной двухсторонней радиостанцией с радиусом действия около пяти миль. И телефон с местным оператором и общим телефонным проводом для нескольких абонентов, но зачастую на линии был такой шум и треск, что разговаривать было просто невозможно. Когда мои родители примерно в 1960-м купили телевизор, отец позвонил родственникам в Южную Дакоту, чтобы сообщить о приобретении TV. Но связь была такой плохой, что бедные родственники перепугались, решив, что в нашей семье кто-то заболел туберкулезом, ТВ, и молились за нас целый год.

И еще у нас была, конечно, семья и работа. Во время сбора урожая даже дети трудились с рассвета до темноты. Все ложились спать уже после захода солнца. Если же тебе не

спалось, ты мог смотреть в окно и видеть абсолютно черное небо, усыпанное миллионами сверкающих звезд, и где-то вдали одно-единственное освещенное окошко. Во всяком случае, я видела этот сиротливый огонек из своего окна. А вот Билл Безансон, какой бы темной ни была ночь, не мог увидеть дом ближайшей к ним фермы, а что касается соседских ребятишек, то никаких детей поблизости не было. Так и рос мальчик с фермы, расположенной около городка Ромео, Мичиган, в окружении лесов и полей.

И конечно, животных.

У Безансонов было два сарая, и в одном из них отец отвел Биллу маленькое помещение, где он мог держать своих животных. Билл подбирал любое животное, оказавшееся в беде – лисиц, опоссумов, собак, кошек, – и бережно их выхаживал. У него был даже скунс, который бегал по плечам и играл с ним в прятки на сеновале. Если к сараю с животными Билла подходил кто-то незнакомый, скунс поднимал хвост торчком, но с любимым хозяином он был ласков и игрив, как котенок.

Но больше всех Билл любил своего енота. Его маму сбила машина, и детеныши сбились в кучку у подножия дерева рядом с дорогой и беспомощно таращились на ее неподвижное тело. Крошечные детеныши были растерянными, замерзшими и голодными, от охватившего их страха они не смели и шевельнуться. Из них выжил всего один. Его звали Пьер Ла-Пуп в честь сошедшего с ума от любви французского скунса Пепел ле Пью из мультфильма, который показывали в воскресенье утром. Эту кличку дала ему бабушка, к которой малыш енот сразу прыгнул на колени.

Пьер был добрым, преданным и любящим енотом. Билл играл с ним в сарае, бегал во дворе и гулял по полям, как типичный мальчик Среднего Запада со своим верным псом, иногда Билл брал удочку и ходил с ним на рыбалку. Но еноты – не собаки. Эти дикие животные очень любопытны, проказливы и, не будем скрывать, намного сообразительнее и ловчее обыкновенных дворняжек. Пьер ловил рыбу лапками, объедал кукурузные початки, старательно выбирая зерна, и открывал любую дверь. Однажды вся семья вошла в дом и застала Пьера в кухне на полке. Он сбрасывал вниз одну за другой тарелки, с любопытством глядя, как они грохаются об пол и разлетаются на мелкие осколки. Уже весь пол был усыпан битым фаянсом. Эта неожиданная выходка Пьера, которому до сих пор прощались типичные для енота повадки – умение справляться с любыми запорами и задвижками, мелкие кражи и бесконечное мытье лапок в баке для стока дождевой воды, – оказалась последней каплей, переполнившей терпение хозяина дома. На этот раз никакие доводы не смогли спасти Пьера от изгнания. Отец Билла швырнул его в свой грузовик, уехал за двадцать восемь миль и оставил в заброшенном сарае.

Недели через три Билл с отцом удили рыбу в ближнем озере, и вдруг на дереве заверещал енот. Билл вгляделся в сплетение ветвей и крикнул:

– Пьер, это ты?!

Пьер стремительно спустился с дерева, взобрался по ноге Билла к нему на руки и стал радостно облизывать ему лицо и покусывать за нос.

– Что ж, придется его взять, – проворчал отец Билла. – Денег на самолет у меня нет.

На самом деле старого фермера несказанно растрогала привязанность дикого зверька к сыну, и, даже если бы у него был собственный самолет, на этот раз он не увез бы Пьера.

Возможно, из-за Пьера Билл мечтал стать лесничим. Остальные думали, что он будет ветеринаром: у него был редкий дар находить с животными общий язык. Но все изменилось. Пьер возмужал и стал подумывать о том, чтобы обзавестись семейством. В ранние годы жизни еноты легко приручаются, но с достижением половой зрелости становятся очень агрессивными. Впрочем, Пьер агрессии не проявлял, а просто ушел из сарая, подыскал себе жену и устроился жить в дальнем конце фермы. Однажды Билл с отцом сидели на заднем крыльце дома. Билл посмотрел в сторону поля и увидел, что к нему бежит Пьер, а рядом

с ним катятся четыре коричневых колобка. Его подруга тревожно расхаживала у края поля, тогда как Пьер перенес в пасти по очереди всех детенышей на крыльцо, таким оригинальным образом представив их своему давнему другу. Билл и отец подержали каждого малыша, затем вся компания вернулась к полю и побежала домой.

– Ну, такого я никогда не видывал! – с изумлением сказал отец Билла, когда все семейство скрылось из вида.

Билл видел Пьера в последний раз. Енот переселился в лес и больше не показывался. Мальчик понял, что он приходил проститься.

Через несколько лет Билл окончил школу, и настала его очередь проститься с домом. Но он уходил не учиться на ветеринара, на лесничего или просто в колледж. Шел июнь 1964 года, и он добровольно вступил в армию, в пехотные войска. К 1 июля он уже ехал к месту учебы. Тремя годами позже он оказался во Вьетнаме – ему едва исполнилось двадцать лет.

Билл получил назначение в группу В войск США, 123-й авиационный батальон. Боги войны – так их называли. Их назначение: поддержка с воздуха наземных сил, стремительные налеты, разведка, секретные задания в тылу врага. Отделение Билла состояло из двадцати одного солдата, по семь человек на вертолет, не считая двух пилотов и двух пулеметчиков. Если пехота или подрывники докладывали о предполагаемом расположении неприятеля где-нибудь в горах, начальство звонило в их батальон. Им ставили задачу: проверить территорию, поливая ее мощным огнем, чтобы по ответному огню установить, насколько серьезные силы сосредоточены в данном месте. Билл был «туннельной крысой». В его задачу входило: одному, без связи и прикрытия, обследовать все находящиеся на данной территории пещеры и вырытые ходы и выкурить оттуда вьетконговцев.

Нечего и говорить, насколько грязной, опасной и непредсказуемой была эта работа. Через несколько месяцев человек начинал себя чувствовать непобедимым только потому, что остался в живых. Билл перенес бессчетное количество перестрелок в адской темноте вьетконговских пещер и туннелей. После одной операции он с товарищами насчитал в корпусе своего вертолета более тысячи пулевых отверстий. Из восьми человек экипажа у нескольких оказалась простреленной форма, но ни один не был ранен. Так проходила его служба в батальоне. Легкие ранения, «маленькая медаль «Пурпурное сердце» и прочая ерунда», как называет Билл свои воинские награды, – за все это время не погиб ни один из его товарищей.

Наступил злосчастный сентябрь 1968-го. Сначала получил ранение в голову один из близких друзей Билла – в батальоне всех связывала крепкая дружба, но с этим парнем у него были особенно тесные отношения. Билл держал голову товарища на коленях, залитых его кровью, когда вертолет направлялся к медсанбату, и с ужасом смотрел на огромную рану, обнажившую мозг раненого, пульсирующий в такт сердцебиению. «Я думал, что больше никогда его не увижу, – сказал Билл. – И вдруг в 1996 году получил от него письмо. Всю жизнь его мучили осложнения, но он остался в живых!»

Спустя несколько дней вертолеты его отделения летели над демилитаризованной зоной, известной как Груда Камней, недалеко от Ке Сан, где в начале года огонь неприятеля на 122 дня парализовал морскую базу. Как обычно, они выбросились с парашютами, но на этот раз попали прямо на фланг крупного военного лагеря вьетконговцев. Каждый вертолет богов войны сопровождали два тяжело вооруженных вертолета и один вертолет-разведчик, но, как только заговорили сотни пушек, небо сразу опустело. Первый тяжелый вертолет рухнул на землю, пилот второго был ранен в пятку, каким-то образом сумел вывести машину из штопора и неуверенно направился в сторону аэродрома, оставив людей на земле. Их вызволила только 196-я пехотная бригада. К тому времени все парашютисты были ранены, а лучший друг Билла Ларч (Ричард Ларрик, мир его праху!) погиб от вьетконговской пули. Сам он вернулся на базу, постарался поскорее забыть этот жуткий месяц и продолжал воевать.

Возвратившись домой в ноябре 1968 года, Билл Безансон уже не захотел иметь ничего общего ни с армией США, ни с войной во Вьетнаме. У него пропало желание стать ветеринаром или лесничим. На его родном доме в Мичигане отец укрепил плакат «Добро пожаловать домой, сынок!», но он не чувствовал себя дома. Он выходил с отцом на рыбную ловлю в плоскодонке, которую отец смастерил своими руками. Обычно на озере, вдали от матери, они вели свои мужские разговоры, но теперь в основном молчали, лишь изредка перекидываясь односложными словами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.